

— Больше ты никогда не увидишь меня плачущим, Франсуа. Кончилось мое детство. Теперь я мужчина, и стыдно мне плакать.

— Молодец, мальчуган! — похвалил его старик. — Ты и в самом деле рассуждаешь как мужчина. Вот погоди, поживешь с шевалье Лодоньером и будешь таким же смелым и мужественным, как он.

— Расскажи мне о нем, Франсуа. Хотя он и друг моего отца, но я никогда его не видел и ничего о нем не знаю.

— Лодоньер известный мореплаватель. Около года назад вернулся он из Нового Света, куда плавал вместе с адмиралом Жаном Рибо. Да, он побывал в этой чудесной стране, которая лежит далеко за морями, и ходят слухи, что он снова собирается туда поехать. Ему поручено основать колонию, которая послужит убежищем для нас, гугенотов.

Мальчик заинтересовался и засыпал Франсуа вопросами о Лодоньере и Новом Свете. В те времена люди имели очень смутное представление о Новом Свете, но старик постарался удовлетворить любопытство Ренэ и рассказал ему все, что знал сам об этой далекой стране. Конечно, свой рассказ он приукрасил фантастическими вымыслами.

Утомительное путешествие продолжалось около недели. На седьмой день всадники въехали в Париж и отыскивали скромное жилище шевалье Лодоньера.

Шевалье радушно встретил сына своего лучшего друга, обнял его и воскликнул:

— Как ты похож на отца, Ренэ! И как я рад, что ты такой здоровый и рослый! Я подумывал о том, чтобы взять тебя в далекое путешествие, но боялся, что это будет тебе не по силам. Теперь я считаю вопрос решенным.

Лодоньер снаряжал новую экспедицию в Новый Свет и, не зная, на кого оставить Ренэ, решил взять его с собой. Через три месяца закончены были приготовления к далекому путешествию: погружены съестные припасы и амуниция, размещены на палубах и в трюмах колонисты. В состав маленькой флотилии входило три корабля.

Шевалье Лодоньер распрощался с адмиралом Жаном Рибо, который должен был через несколько месяцев последовать за ним в Новый Свет. В ясное майское утро Лодоньер и Ренэ прибыли в маленький приморский городок, где в гавани ждали их суда.

Дул попутный ветер, когда Лодоньер вступил на борт флагманского судна. Подняли французский флаг, загремели пушеч-

Керк МОНРО

ПЕРО ФЛАМИНГО

I. РЕНЭ ДЕВО

В хмурый зимний день 1564 года Ренэ Дево, которому только что исполнилось шестнадцать лет, покинул родной дом, где прошло его детство, и отправился в Париж, к другу своего отца, Ренэ де Лодоньеру. Родители мальчика умерли месяц назад, унесенные жестокой эпидемией, свирепствовавшей в стране, и Ренэ остался один на свете. Родственников у него не было, а единственный человек, к которому он мог обратиться за помощью, — Лодоньер — жил в Париже. Ему мальчик послал письмо, извещающая о постигшем его несчастье, но в те дни железных дорог не было, и ответ пришел только через месяц. Лодоньер звал мальчика к себе в Париж, обещая заботиться о нем, как о родном сыне, и Ренэ поспешил откликнуться на зов.

Ехал он верхом в сопровождении старого слуги своего отца, Франсуа, который был теперь единственным его другом и защитником. Оба всадника вооружились с ног до головы, так как в те времена на больших дорогах хозяйничали шайки грабителей.

Слезы выступили на глазах мальчика, когда он в последний раз оглянулся на родной дом. Но тотчас же он смахнул эти непрошенные слезы и, повернувшись к старому Франсуа, сказал:

Перевод с английского и обработка А. Кривицкой
Художник Ю.Г. Макаров

холма, где адмиралом Рибо была воздвигнута каменная колонна, на которой он выгравировал герб Франции.

Ренэ очень удивился увидев, что у подножия колонны стоят корзины с маисом и лежат колчаны, полные стрел. Это были подарки, которыми индейцы встречали чужеземцев.

Неподалеку от холма Лодоньер выбрал место для форта и приказал немедленно приступить к работам. Форт он назвал фортом Каролина, в честь французского короля Карла IX. Надеялся он, что со временем здесь вырастет цветущая колония французских гугенотов.

Когда выгрузили на берег съестные припасы и амуницию, три корабля снялись с якоря и ушли, оставив в дикой неисследованной стране горсточку белых людей. Начальником форта назначен был Лодоньер, а при нем находился Ренэ Дево, который и не подозревал, что ему суждено стать участником многих и удивительных приключений.

II. НОСИТЕЛЬ ЛУКА

Постройка форта Каролина продолжалась около трех месяцев. Индейцы, не чуявшие будущих бед, охотно помогали строить частокол и рыть ров вокруг форта. Частокол сделан был из древесных стволов, глубоко забитых в землю, а с внутренней стороны его поднималась насыпь, на которую солдаты втащили несколько больших пушек.

За эти три месяца Ренэ Дево подружился с сыном индейского вождя Микко. Он был сверстником Ренэ, и звали его Хас-се, что значит Солнечный Луч. Мальчики встречались ежедневно. Ренэ обучал Хас-се французскому языку, а сам учился говорить по-индейски.

По приказанию Лодоньера Ренэ брал уроки фехтования и стрельбы из самострела, а по вечерам художник Ле Муан, считавшийся человеком начитанным и образованным, учил его латыни и рисованию. Но все свободное время Ренэ проводил со своим другом Хас-се, который посвящал его в тайны лесной жизни.

Как ни странно, но у Хас-се, веселого, добродушного мальчика был в деревне лютый враг. Звали его Читта — Змея. Был он на несколько лет старше Хас-се, и никто не знал, когда и из-за чего вспыхнула между ними вражда. Быть может, сварливый и завистливый Читта невзлюбил Хас-се потому, что все его любили.

Однажды Хас-се предложил Ренэ покататься в каное по реке. Молодой индеец хотел открыть своему другу какую-то тайну и

ные выстрелы, и под гул толпы, запрудившей набережную, корабли вышли из гавани.

В течение многих недель плыли путешественники на запад и не видели ничего, кроме моря и неба. Ни одно судно не повстречалось им на пути. Неудивительно, что, когда утром 22 июня раздался крик: "Земля впереди!", все высыпали на палубу. Кричал матрос с топа мачты, но собравшиеся на палубе не сразу разглядели далеко на западе тусклое синеватое облако — землю. И многие отказывались верить, что это действительно земля. Один старик, которого звали Симон Оружейник, упрямо твердил, что земля затоплена, как во времена Ноя, и вряд ли кому-нибудь из них посчастливится снова вступить на сушу.

Пользуясь попутным ветром, корабли держали курс на синее облако, и к полудню даже Симон Оружейник признал в этом облаке землю. Можно было разглядеть высокие пальмы, и глухо доносился мерный тяжелый грохот прибоя.

В полдень суда близко подошли к берегу, и впервые со дня отплытия из Франции был брошен якорь и свернуты паруса.

Корабли стояли на якоре у входа в маленький пролив, перед которым тянулось мелководье. Огромные волны с грохотом разбивались о камни, и, казалось, ни одному судну здесь не пройти. Лодоньер узнал небольшой пролив, ведущий к устью широкой реки, на берегу которой расположена была индейская деревушка Селой: здесь он побывал два года назад вместе с адмиралом Рибо. Желая исследовать эту местность, он спустился в шлюпку, приказав Ренэ сопровождать его. Затем спущена была вторая шлюпка с солдатами.

Ренэ, затаив дыхание, ждал, что волны зальют шлюпку, но Лодоньер ловко провел ее в узкий пролив, и, обогнув мыс, они увидели ту самую деревушку, которую искали.

На берегу толпились полуобнаженные туземцы. Размахивая копьями и луками, они сбежали к самой воде.

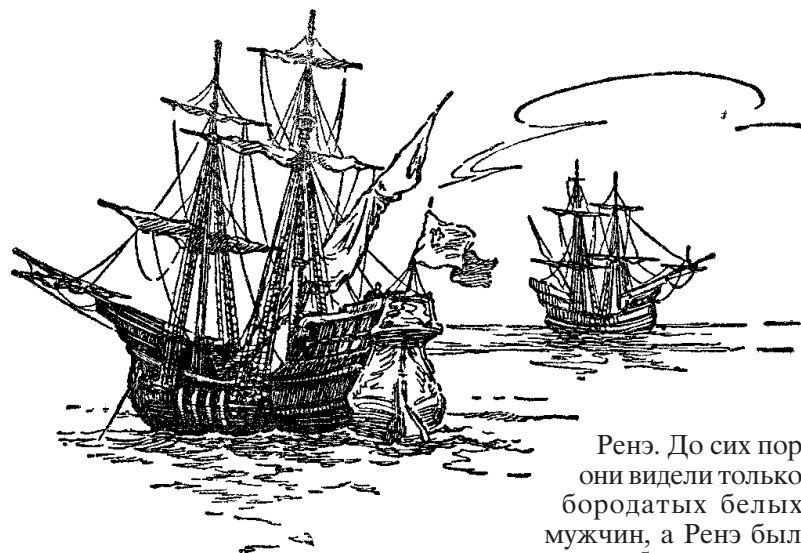
Население деревушки давно уже заметило белые паруса судов, напоминавшие крылья чаек. Поднялась тревога. Воины собрались на берегу, женщины, работавшие на маисовых полях, спрятались вместе с детьми в чаще леса. Но когда суда бросили якорь и индейцы увидели французский флаг, опасения их рассеялись. Французов индейцы знали и не боялись, так как два года назад договорились с ними о мирных отношениях. А испанцев, также посещавших это побережье, индейцы ненавидели.

Убедившись, что опасность им не угрожает, воины вызвали из леса женщин и детей, смыли с лица военную краску и стали

готовиться к приему гостей. Когда шлюпки подошли к берегу, индейцы узнали Лодоньера, стоявшего на корме первой лодки. В сопровождении Ренэ Лодоньер вышел на берег, а индейцы, приплысывая, бросились к нему.

Ренэ с изумлением рассматривал высокие пальмы, птиц с ярким оперением, крытые пальмовыми листьями индейские хижины, свитые из мха юбки женщин, блестящие и раздутые рыбы-пузыри, подвешенные к ушам воинов. Но больше всего заинтересовало его огромное чучело оленя, насаженное на длинный шест, который возвышался в центре деревушки. Голова оленя была горделиво повернута в сторону восходящего солнца.

Индейцы в свою очередь с любопытством рассматривали

Ренэ. До сих пор они видели только бородатых белых мужчин, а Ренэ был первым белым маль-

чиком, вступившим на этот берег. Индейцы думали, что белые так и рождаются с бородой и с коротко подстриженными волосами, но у Ренэ никакой бороды не было, а его золотистые кудри спускались до самых плеч. Вот почему они разглядывали Ренэ, словно какую-то диковинку.

Вождю мальчик сразу понравился, и старик дал ему прозвище "Та-ла-ло-ко" (маленькая пальма). Очевидно, он принял его за сына Лодоньера. Два года назад он дал Лодоньеру имя "Та-ла" (пальма). И с тех пор все индейцы, с которыми встречался Ренэ, называли его Та-ла-ло-ко.

Вождь убеждал Лодоньера провести несколько дней в деревушке Селой, но тот отвечал, что ему, Лодоньеру, приказано немедленно плыть к реке, носившей название Май, построить там форт и основать колонию.

Обменявшись подарками, они распрощались, и белые направились к шлюпкам. Отплывая от берега, Ренэ несколько раз оглядывался и любовался живописной деревушкой Селой. Очень хотелось пожить здесь, с этими простодушными, гостеприимными людьми.

Когда шлюпки пересекали мелководье, Ренэ увидел каких-то чудовищных рыб, плескавшихся в волнах и подплывавших к самым шлюпкам. Солдаты говорили, что это дельфины, и Лодоньер назвал реку, которую они только что покинули, рекой Дельфинов.

Развернув белые крылья-паруса, суда поплыли на север и за ночь покрыли сорок миль. На рассвете показалось устье реки Май. Руководствуясь картой, начерченной адмиралом Рибо два года назад, Лодоньер ввел суда в устье реки, искусно лавируя между рифов.

Хотя очень мало времени прошло с тех пор как они покинули деревушку, но гонцы из Селоя уже успели уведомить об их прибытии Микко, вождя индейцев, населявших долину реки. Когда Лодоньер и его спутники вышли на берег, дружелюбно настроенные индейцы повели их на вершину

Как было это сделано, не заметил никто, кроме Ренэ, который жадно следил за каждым движением своего ученика. Читта встал и с недоумением посмотрел на противника, по-видимому, он не отдавал себе отчета в том, что произошло.

Снова обхватили они друг друга руками. Это была третья и последняя схватка. Оба тяжело дышали, пот крупными каплями струился по обнаженным телам.

И снова Читта упал, когда зрителям казалось, что Хас-се вот-вот будет повержен на землю. С горделивой улыбкой осматривался по сторонам Хас-се, носитель лука.

Но ему оставалось пройти еще через одно испытание, и лишь после этого вступал он в ряды воинов. Испытание состояло в том, что он должен быть выпить кассин или "черный напиток". Знахари готовили его из листьев и корней по рецепту, который хранили в тайне. Выпивший чашу кассина испытывал мучительные боли, длящиеся минут пятнадцать. Эту пытку он должен был вынести молча, со счастливой улыбкой, словно не чувствуя боли. Хас-се знал, что, если мужество ему изменит, его заставят исполнять работу женщин и запретят брать в руки оружие и участвовать в охоте.

Когда замерли радостные возгласы зрителей, приветствовавших победителя, Хас-се возвели на помост, откуда он был виден всем собравшимся. Знахари протянули ему чашу с кассином, и смелый юноша не колеблясь выпил отвратительную смесь. Затем он скрестил на груди руки и с улыбкой стал смотреть на толпу, хранившую молчание. В течение четверти часа сидел он на помосте, спокойный и невозмутимый, и только капли пота, выступившие у него на лбу, свидетельствовали о том, какие мучения он испытывал.

Громкие крики толпы возвестили конец испытания. Хас-се, слабого, теряющего сознание, уложили в тени, где он мог отдохнуть после пытки. Теперь он был воином и носителем лука.

Ренэ вскочил с места и бросился к своему другу, а все присутствующие, как индейцы, так и белые, радостными криками приветствовали смелого юношу, который носил в волосах перо фламинго.

Читта, мрачный и озлобленный, прислушивался к этим возгласам.

боялся, как бы кто-нибудь не подслушал. Ренэ охотно согласился. Взяв свой самострел и две стрелы со стальными наконечниками, он уселся на носу лодки, а Хас-се греб кормовым веслом. Они спустились по течению реки, затем свернули в узкий приток, берега которого густо поросли высокими пальмами. В глубокой тени скользила лодка по темной воде. Хас-се опустил весло и заговорил на ломаном французском языке, вставляя индейские слова.

Ренэ узнал, что в следующее полнолуние индейцы празднуют день Зрелого Маиса. В этот день юноши будут участвовать в состязаниях, и победитель получит звание "носителя лука" Микко, вождя племени и отца Хас-се. Звание это считалось у индейцев почетным, а по истечении года "носитель лука" становился полноправным воином. Юноши готовились к состязанию в стрельбе из лука, в метании дротиков, в беге и борьбе.

Хас-се очень хотел выйти победителем. Самым опасным его соперником был Читта. Хас-се знал, что может состязаться с ним в беге, в стрельбе, в метании дротика, но нелегкое дело бороться с таким рослым широкоплечим парнем, как Читта.

— Как мне побороть его, Та-ла-ло-ко? Научи меня, — спросил Хас-се.

— Я тебе помогу, Хас-се! — воскликнул Ренэ. — Неделью назад Симону Оружейнику попала в глаз соринка, а мне удалось ее вынуть. В благодарность за это он показал мне новый прием борьбы, какого я никогда еще не видел. С тех пор я упражнялся в борьбе ежедневно и теперь совершенно уверен, что могу побороть всякого, кто не знает этого приема, даже если противник мой сильнее и выше ростом, чем я. Я тебе покажу этот прием, если ты обещаешь хранить тайну.

— Ах, что это такое?

Разговаривая, они не заметили, что каноэ отнесло к самому берегу, и над головами их протянулся гигантский сук дерева, с которого свешивались ползучие растения. Громко вскрикнув, Ренэ ухватился за них обеими руками, дернул изо всей силы, и лодка проплыла на несколько шагов вперед. Тотчас же какое-то рыжеватое тело сорвалось с сука в воду и упало как раз на то место, где за секунду до этого находилась корма лодки.

Это была большая пантера. Если бы Ренэ случайно не заметил ее нервно подергивавшегося хвоста, когда она готовилась к прыжку, пантера опустилась бы прямо на обнаженные плечи Хас-се. Но лодка уже проплыла вперед, а зверь выплыл на поверхность в двух шагах от нее.

Хас-се схватил весло и сильными ударами продвинул каноэ, но дальше путь им преградили ползучие растения, спускавшиеся к самой воде, и оплели нос каноэ. Между тем разъяренная пантера плыла по направлению к лодке.

Ренэ быстро вставил стрелу в самострел, прицелился и выстрелил. Ему лишь на несколько секунд удалось задержать зверя. Пантера заревела от боли — стрела вонзилась ей в плечо. Из раны хлынула кровь, окрашивая воду в розоватый цвет. Но пантера не отказалась от погони, и расстояние между нею и каноэ быстро уменьшалось. Ренэ выпустил еще одну стрелу и промахнулся. Мальчики хотели было прыгнуть в воду и добраться вплавь до противоположного берега; оба понимали, что положение их отчаянное и, почти не надеялись спастись. Но помощь пришла, когда они меньше всего ее ждали.

Пантера почти поравнялась с каноэ, как вдруг в покрасневшей воде показалось большое темное тело. Ренэ увидел огромную пасть и чешуйчатую спину. Могучие челюсти сжали заднюю лапу пантеры. Зверь заревел, рванулся вперед, и когти его застучали о борт каноэ. Еще секунда — и вода сомкнулась над его головой. Огромный аллигатор увлек пантеру в глубь потока и избавил мальчиков от страшного врага. Пузырьки поднялись на поверхность воды, где-то в глубине шла борьба, и победителем остался аллигатор. Рябь пробежала по воде, потом все стихло. Мальчики долго смотрели на то место, где скрылась пантера; им казалось, что вот-вот она выплывет снова на поверхность.

Вернувшись в форт, Ренэ рассказал Лодоньеру о встрече с тигром и крокодилом, как называл он пантеру и аллигатора, а Лодоньер посоветовал ему впредь быть осторожнее и не забираться в глубь страны. Дружбу мальчика с Хас-се он поощрял, так как считал необходимым поддерживать дружественные отношения с индейцами, которые снабжали маленькую колонию съестными припасами. Друг Ренэ был сыном вождя, вот почему Лодоньер придавал большое значение этой дружбе.

Вечером Хас-се явился в форт и, отыскав Ренэ, попросил показать новый прием борьбы. Ренэ взял с него слово никого не обучать этому приему, а затем увел его в комнату и дал ему урок борьбы. Прием был очень простой, нужно было сделать вид, будто поддаешься своему противнику, а затем неожиданно обхватить ногу противника своей ногой. Хас-се быстро им овладел.

Когда показался на небе серебристый серп молодого месяца, индейцы начали готовиться к празднику Зрелого Маиса. Старательно расчистили они дорожку для состязания в беге и долго

утрамбовывали ее ногами, обутыми в мокасины. Из веток и пальмовых листьев они устроили навес, под которым вожди, старшины и почетные гости могли укрыться от солнца. Участники состязания осматривали свои луки, натягивали новые тетивы из сухожилий оленя. Кое-кому посчастливилось получить от белых куски железа и стали; эти куски они обточили и заменили ими старые кремневые наконечники для стрел.

Хас-се с гордостью показал Ренэ свой дротик: древко сделано было из бамбука, а наконечником служил осколок мелочно-белого кварца, полученного от одного из северных индейских племен. Начали стекаться гости с севера из Селой и других прибрежных деревень, а также из плодородных саванн Алачуа. Сотни индейцев расположились в окрестностях форта Каролина.

Наконец, настал праздник Зрелого Маиса. После завтрака Лодоньер в сопровождении Ренэ и солдат гарнизона вышел из форта. Всем белым любопытно было посмотреть на празднество. Микко радушно принял гостей и предложил им занять почетные места под навесом. Затем дан был сигнал, и игры начались.

Юноши приступили к состязаниям. Победитель становился носителем лука и сохранял это звание в течение целого года. Загремел большой барабан — Кас-а-лал-ки, и двадцать стройных юношей выступили вперед. Из них самым красивым был Хас-се, Солнечный Луч, а самым рослым и сильным — Читта, Змея. На юношах надеты были только набедренные повязки и мокасины, а Хас-се, как сын вождя, вплел в свои темные волосы алое перо фламинго.

Тотчас же выяснилось, что Хас-се и Читта без труда одержат верх над всеми остальными, но нельзя было предугадать, кто из этих двоих выйдет победителем. Казалось, силы их равны. Читта занял первое место в беге, а Хас-се — в метании дротика. Что же касается стрельбы из лука, то оба стреляли без промаха, и судьи не могли решить, кто из них лучший стрелок. Таким образом, исход состязания зависел от того, кто окажется искуснее в борьбе.

Когда они выступили вперед, зрители подумали, что высокому широкоплечему Читте ничего не стоит справиться с легким, худощавым Хас-се. И действительно, в первой схватке он повалил Хас-се на землю. Белые зрители неодобрительно перешептывались, но индейцы хранили невозмутимый вид.

Во время второй схватки зрители были уверены, что Хас-се несдобровать! Казалось, силы ему изменили, как вдруг он выпрямился и положил Читту на лопатки.

— Читта, Змея, отомстил нашему Хас-се за то, что Хас-се победил его!

С порога хижины старый вождь сообщил эту весть всем собравшимся, и толпа разразилась гневными криками.

Уничтожив маис, заготовленный на зиму, Читта нанес удар не только индейцам, но и маленькому гарнизону форта Каролина, так как Лодоньер хотел купить у Микко часть съестных припасов. В форте оставалось мало провианта; правда, в лесах водилось много дичи, а улов рыбы в реках был хороший, но французские солдаты — плохие охотники и рыболовы — всецело зависели от своих соседей-индейцев, снабжавших гарнизон пищей.

Вот почему на следующий день после пожара белые не на шутку встревожились, не видя в окрестностях форта ни одного индейца. В индейский лагерь посланы были разведчики. Вскоре они вернулись и донесли, что лагерь покинут, а индейцы словно сквозь землю провалились.

Исчезли не только все индейцы, пришедшие из дальних деревень, но и племя вождя Микко. Мало того, они унесли с собой все свое имущество.

Лодоньер понимал, что положение создалось очень серьезное. Солдаты были изнурены работами по постройке форта, многие заболели местной лихорадкой и страдали от мучительной боли в суставах. Уничтожены были запасы провизии, на которые рассчитывал Лодоньер. Ушли неведомо куда индейцы, приносившие в форт дичь и рыбу, а французы неспособны были добыть себе пропитание в этой дикой стране.

Лодоньер знал, что корабли с провиантом не скоро придут из Франции. Быть может, ждать их придется еще несколько месяцев. Да и вообще он никогда не был уверен в поддержке родины. Гугеноты были гонимы католическими правящими кругами и отправлялись в Новый Свет точно в изгнание. Оттого-то и индейцев они старались не притеснять, а ладили с ними. Без их помощи горсточка изгнанников была обречена на гибель. Между тем сам Лодоньер, измученный и переутомленный, уже ощущал первые симптомы тропической лихорадки, и трудно было ему занимать ответственный пост начальника форта.

Узнав об уходе индейцев, он решил созвать на совет всех офицеров гарнизона и сообща обсудить создавшееся положение. Немедленно послал он за своим лейтенантом Суассоном, за капитаном артиллерии стариком Хилэром, за квартирмейстером Мартинцом, начальником саперов Шателе и художником Ле Муаном. А вслед за ними прибежал и Ренэ, хотя никто его не звал.

III. МЕСТЬ ЧИТТЫ

Итак, Хас-се, Солнечный Луч, стал носителем лука, принадлежащего его отцу, вождю Микко, а Читта, Змея, потерпел поражение. Почему-то был он уверен в том, что Ренэ Дево показал Хас-се новый прием борьбы. Никаких доказательств он не имел и однако воспылил ненавистью к мальчику. Хитрый, как змея, он решил ждать, когда представится ему удобный случай отомстить Ренэ. По окончании игр он исчез, и больше его в тот день не видели.

На его отсутствие никто не обратил внимания, так как все поднялись на насыпь из золы, раковин, костей и обломков глиняной посуды, накапливавшихся здесь в течение многих веков. Ежегодно на этом самом месте, где пировали предки, племя устраивало пиршество, и в этом году обычай не был нарушен. По окончании пира начались пляски и пение, затянувшиеся до поздней ночи.

Наконец, танцоры устали; устали и музыканты, бившие в барабаны и гремевшие трещотками, которые сделаны были из раковин и наполнены сушеными ягодами. К двум часам ночи музыка смолкла, и все погрузилось в глубокий сон. Задремали и караульные, которые должны были охранять лагерь. В тишине слышалось только гуканье хуп-пе (большой совы).

Если бы сторожа не задремали, быть может, увидели бы они темную фигуру человека, крадущегося вдоль опушки леса по направлению к большому амбару, где хранился принадлежащий племени маис, а также запасы ямса и кунти-катки (крахмальный корень). Амбар построен был из кольев и веток смолистой сосны и покрыт пальмовыми листьями, сухими, как трут.

Человеку, крадшемуся к амбару, приходилось пересекать полянки, залитые лунным светом. Он ложился ничком на землю и полз в траве, извиваясь, как змея. В одной руке держал он какой-то круглый предмет, излучавший тусклый свет. Это была большая тыквенная бутылка, в которой лежали красные угольки, вынутые из костра, еще тлевшего на эпола — площадке для танцев. В другой руке человек нес несколько сухих щепок.

Никем не замеченный, он подполз к амбару и притаился в густой тени. Заслонив концом одеяла тыкву с углями, он засунул в нее связку щепок и стал раздувать угли. Тотчас же показался дымок, а через минуту щепки загорелись.

Человек поднес пылающий факел к сухим пальмовым листьям, заменявшим крышу: языки пламени потянулись к небу.

Обежав вокруг амбара, человек поджег его в нескольких местах, затем забросил факел на крышу и скрылся во мраке.

Когда сонные караульные подняли, наконец, тревогу, вся постройка пылала, как факел. Индейцы выбежали из хижин и с ужасом смотрели, как гибнут в огне их запасы. Все спрашивали, как это случилось и кто виновник пожара, но караульные не могли дать никакого объяснения.

Между тем поджигатель благополучно добрался до опушки леса и спрятался в тени деревьев. Все ярче становилось зарево, и человек отступил, уходя дальше в чашу леса.

Вдруг подле него раздался голос — голос Хас-се:

— Читта! Неужели это твоих рук дело?

Вместо ответа Читта ударил его кулаком по лицу, и Хас-се, оглушенный ударом, упал. Наклонившись к нему, Читта злобно прошептал:

— Лежи, носитель лука! Мы с тобой еще встретимся.

И с этими словами он бросился в чашу леса.

Хас-се, спавшего в хижине, разбудили крики караульных и зарево пожара. Выбравшись из хижины, он увидел на опушке леса темную фигуру человека и направился к нему, чтобы выяснить причину тревоги, но вдруг, узнав фигуру Читты, сразу понял, кто был виновником несчастья. Невольно вскрикнув от удивления, Хас-се подбежал к нему, а Читта наградил его ударом кулака.

Очнувшись, Хас-се увидел, что лежит в хижине своего отца на ложе из оленьих шкур, а сестра его Нэтла смачивает ему виски холодной водой.

Был уже день. От амбара оставалась только куча золы да тлеющие угли. Перед хижинкой, где лежал Хас-се, толпились индейцы. От него они надеялись узнать имя поджигателя. На рассвете отряд воинов наткнулся на Хас-се, лежавшего без чувств на опушке леса. Лицо юноши было окровавлено. В высокой траве воины увидели следы ног, обутых в мокасины. Эти следы привели их к берегу реки, и здесь разведчики заметили, что пропало одно из каное. Немедленно отправились они в погоню за беглецом. Один отряд двинулся к верховьям, другой — к низовьям реки, и до сих пор еще разведчики не возвратились.

Когда Хас-се очнулся и открыл глаза, Нэтла, склонившись к нему, спросила:

— Брат, кто нанес тебе этот жестокий удар?

Он чуть слышно пробормотал несколько слов. Нэтла выпрямилась и, повернувшись к отцу, воскликнула:

— Пожалуй, ты прав, — задумчиво проговорил Ренэ. — Но неужели он хочет убить меня только за то, что я был виновником его поражения?

— Ах, Та-ла-ло-ко, ты не знаешь, что за человек этот Читта! Недаром зовут его Змеей! И мстит он жестоко. Тебя он возненавидел и думает только о мести.

— Я очень благодарен тебе, Хас-се, за то, что ты меня предостерег, — сказал Ренэ. — Постараюсь, чтобы этот Читта не застиг меня врасплох.

— Слушай, Та-ла-ло-ко, — продолжал Хас-се: — я знаю, что у вас, белых, осталось в форте мало провизии, и всем вам грозит голод. Читта уничтожил все наши запасы, но у индейцев алачуа, к которым отправилось наше племя, есть и маис и ямс. Если бы кто-нибудь из вас пошел к ним вместе со мной, они, наверно, согласились бы дать вам провизии в обмен на ваши товары. Если пойдет к ним много народу, алачуа испугаются, но если пойдет один человек — и вдобавок мой друг, — они примут его ласково и войдут с ним в переговоры. Та-ла-ло-ко, не пойдешь ли ты со мной в ту далекую страну?

Ренэ не ждал такого предложения.

— Хас-се! — воскликнул он. — Ведь ты сейчас в плену и даже не знаешь, освободит ли тебя комендант форта! Как же можешь ты говорить с такой уверенностью о путешествии в страну Алачуа?

Хас-се улыбнулся.

— Можно посадить в клетку человека, но нельзя держать в плену солнечный луч. Если ты согласен идти со мной, я буду ждать тебя завтра, когда взойдет луна, на реке, где аллапата, великий крокодил, спас нас от катши, тигра. Алачуа тебя не обидят, а через месяц ты вернешься к своему народу.

Ренэ не успел ответить, так как дверь распахнулась, и в комнату вошел сержант.

— Уходи, Ренэ. Солнце заходит. Сейчас будет смена караульных, и пленника запрут на ночь. Неужели не надоело тебе разговаривать с этим упрямым дикарем?

Не желая говорить сержанту о своей дружбе с Хас-се, Ренэ очень холодно попрощался с пленником и, уходя, сказал:

— Не знаю, встретимся ли мы завтра. Быть может я приду, а быть может и нет.

— Ну, конечно, не придешь. Нечего тебе тут делать, — проворчал сержант, запирая дверь и задвигая засов. — Будь я комендантом, я бы не позволил тебе являться на гауптвахту.

Совещание происходило в комнате коменданта. Изложив вкратце положение дел, Лодоньер предложил всем присутствующим высказать свое мнение относительно того, что следует предпринять. Как всегда в таких случаях бывает, мнения разделились, и разгорелся спор. Художник Ле Муан взволновал коменданта, сообщив о том, что в форте беспокойно. Солдаты ждут со дня на день прибытия подкрепления из Франции. Если же провиант не будет доставлен, они построят корабль, покинут форт и сделают попытку вернуться на родину.

В разгар спора дверь распахнулась, и два солдата ввели в комнату молодого индейца. Ренэ радостно вскрикнул, узнав своего друга Хас-се.

IV. ХАС-СЕ — ПЛЕННИК

Отдав честь коменданту, гвардии сержант, придерживавший пленника за плечо, доложил, что караульные видели, как этот молодой индеец крался по лесу в окрестностях форта. Поведение его показалось сержанту подозрительным, и он приказал солдатам поймать индейца. Отряд вышел из форта через задние ворота и, окружив индейца, застиг его врасплох. После недолгой борьбы индеец был схвачен и приведен в форт.

Узнав своего друга, Ренэ бросился было к нему, но, услышав сердитый окрик Лодоньера, приостановился. Он не смел ослушаться коменданта, но хмуро посматривал на солдат, которые крепко держали Хас-се, словно боялись, что он может каким-то таинственным образом исчезнуть.

Лодоньер приказал солдатам развязать пленника и выйти из комнаты. Они повиновались, а молодой индеец гордо выпрямился и скрестил на груди руки. Тщетно пытался Ренэ встретиться с ним глазами: Хас-се, казалось, не замечал своего друга и даже не смотрел в его сторону. Одет он был в костюм молодого воина, а в волосах его пламенело перо фламинго. Держал он себя спокойно и уверенно, и члены совета невольно почувствовали к нему уважение. Лодоньер начал допрос.

— Расскажи-ка нам, чем объясняется неожиданный уход твоих соплеменников и почему ты прятался в лесу и следил за нами.

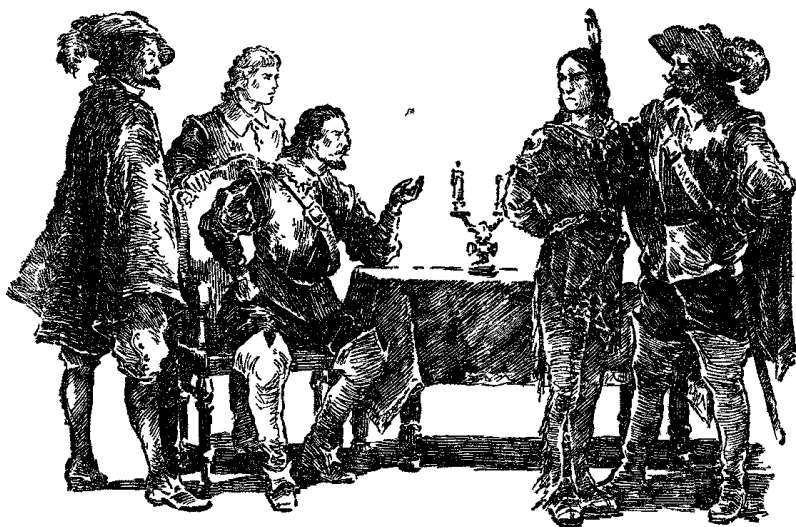
Глаза индейца вспыхнули, когда он заговорил на ломаном французском языке.

— Зовут меня Хас-се. Я вам не враг. Мой отец и мое племя дружелюбно приняли тебя и твой народ. Эта страна принадле-

жит нам. Здесь мы можем делать все, что хотим, можем идти куда нам вздумается. Я ничего плохого не делал, но меня схватили и насильно привели сюда. На вопросы я отвечать не буду, пока меня не освободят. Хас-се все сказал.

Ренэ покраснел от радости, услышав гордые слова друга. Лодоньер продолжал допрос. Но Хас-се сжал губы и не отвечал ни слова. Фраза "Хас-се все сказал" означала, что он твердо решил молчать, пока его не выпустят на свободу.

Наконец, Лодоньер позвал солдат и приказал им отвести пленника на гауптвахту и обращаться с ним ласково, но следить, чтобы он не убежал. Когда Хас-се увели, комендант форта повернулся к членам совета и спросил, как следует поступить, по их мнению, с пленником.

Художник Ле Муан заявил, что пленника нужно немедленно освободить, — быть может, тогда он согласится дать объяснения. Ренэ Дево не выдержал и произнес речь в защиту своего друга. Он говорил, что Хас-се прав, они не имеют права держать его в плену; страна эта принадлежит индейцам, и белые не смеют диктовать им свою волю. Ренэ разгорячился и Лодоньер сурово его оборвал:

— Молчи, Ренэ! Ты в праве защищать своего друга, если он не враг нам, но помни, что ты еще молод и глуп.

Ренэ смутился и умолк, а комендант продолжал:

— Я согласен с Ле Муаном: этого молодого дикаря следует отпустить на волю. Таким путем мы завоюем расположение его племени, с которым должны поддерживать хорошие отношения.

Но другие члены совета были не согласны с Лодоньером: они хотели оставить Хас-се заложником, а вместо выкупа потребовать от индейцев запас провианта.

Не желая восставать против большинства, Лодоньер долго колебался. Наконец, он заявил, что задержит Хас-се на одни сутки. А пока пусть Ренэ Дево навестит своего друга и постарается узнать, куда переселилось его племя.

С запиской от Лодоньера Ренэ явился на гауптвахту. Стража его пропустила, и он вошел в комнату, где заключен был пленник. Хас-се сидел на скамье, закрыв лицо руками. Когда вошел Ренэ, он вскочил и молча посмотрел на него, словно не мог решить, кто стоит перед ним — враг или друг. Ренэ подбежал к нему, крепко его обнял и воскликнул:

— Хас-се, брат мой, неужели ты думаешь, что и я против тебя?

— Теперь я знаю, что ты мне друг, Та-ла-ло-ко, — ответил Хас-се. — Я виноват, что усомнился в тебе. Но как смеют они держать меня в клетке? Я словно нутча, сокол, попавший в западню.

Мальчики уселись на скамейку, и Ренэ стал расспрашивать своего друга, почему ушли индейцы и что делал он здесь один.

Хас-се заявил, что никаких секретов у него нет, но он не хотел отвечать людям, которые взяли его в плен и заставляли говорить. Но другу своему Та-ла-ло-ко он охотно все объяснит. Вот что узнал Ренэ: когда сгорел амбар, вождь Микко решил переселиться в страну дружественного племени алачуа, у которого много было съестных припасов, и оставаться там, пока вновь не созреет маис. Но Микко боялся, что Лодоньер, нуждавшийся в охотниках и рыболовах, попытается задержать племя. Индейцы ушли потихоньку, под покровом ночи, так как Микко не желал столкновений между белыми и индейцами.

— Он в праве был поступить так, как считал нужным, — заявил Ренэ. — Но почему ты не ушел со своим племенем?

— Я вернулся, чтобы повидаться с тобой, Та-ла-ло-ко, — ответил Хас-се. — Непокойно было у меня на душе: я узнал, что Читта, Змея, тебя ненавидит и хочет тебе отомстить.

— Мне?! — удивился Ренэ. — Я с ним не ссорился. За что же он меня ненавидит?

— Не знаю. Быть может, он подозревает, что ты показал мне прием, благодаря которому я его поборол и стал носителем лука. Он очень хотел выйти победителем.

ворота. Покончив с этим делом, он взял тяжелую пику Симона и стал шагать вдоль частокола, терпеливо ожидая, когда вернется старик. Наконец, послышались шаги.

— Это ты, Симон? — тихонько окликнул мальчик.

— Да, мальчуган, — донеслось из темноты. Положив на землю пику и взяв свой самострел, Ренэ проскользнул в ворота, и прикрыл их за собой, пробежал по мосту, переброшенному через ров, и скрылся в лесу.

Хотя луна уже взошла и мост был ярко освещен, но Ренэ удалось пройти незамеченным. А Симон Оружейник не обратил внимания на то, что засовы отодвинуты. Сначала думал он, что мальчик захотел над ним подшутить и спрятался где-нибудь поблизости.

Долго он его искал, грозя отодрать за уши, потом взял свою пику и размеренными шагами стал прохаживаться у ворот.

На опушке леса Ренэ остановился, вытащил из-за пазухи записку, заранее им написанную, всунул ее в расщепленный конец ветки, а ветку воткнул в землю неподалеку от моста.

Записка была адресована шевалье Ренэ Лодоньеру, коменданту форта Каролина.

"Дорогой шевалье Лодоньер, — писал Ренэ, — я знаю, что совершаю серьезный проступок, нарушая ваше приказание и покидая форт. Но гарнизон нуждается в провианте, и только я один могу его добыть. В успехе я не сомневаюсь. Я иду с мальчиком индейцем Хас-се в страну Алачуа и вернусь с провиантом не позже чем через месяц. Если же меня постигнет неудача и мы никогда больше не увидимся, простите мне мой проступок.

Я никому не говорил о своем плане, никто не помогал мне бежать, и ни один солдат гарнизона не знает о том, что я покинул форт.

Ренэ Дево"

Туже затянув пояс, Ренэ надел через плечо самострел и вошел в темный лес. Дорогу он знал прекрасно и быстро зашагал к тому месту, где должен был встретиться с Хас-се. Час был поздний, но Ренэ надеялся, что индеец еще не ушел. Он отыскал сверток с безделушками, спрятанный в лесу, и взял его с собой.

Подходя к речонке, на берегу которой они условились встретиться, Ренэ закричал, как хуп-пе (большая сова); этому сигналу научил его индеец. К великой его радости, тотчас же раздался ответный крик, и через минуту Ренэ здоровался со своим другом. Тот молча повел его к каноэ, спрятанному у самого берега

Ничего ему не ответив, Ренэ пошел сообщить Лодоньеру сведения, полученные от Хас-се. Весь вечер размышлял он о путешествии в страну Алачуа. Предложение было заманчивое, и он не знал, на что решиться.

На следующее утро Хас-се исчез, и нигде не могли его найти. Растерянный сержант доложил Лодоньеру, что в полночь он заглядывал в камеру пленника и застал его крепко спавшим. На восходе солнца он снова зашел к нему, но камера была пуста. Спросили караульных, охранявших ворота и крепостные стены; те заявили, что ночь прошла спокойно, и они ничего не видели и не слышали.

Хотя Лодоньер и не понимал, каким образом пленнику удалось бежать, однако он был доволен, что вопрос о судьбе Хас-се разрешился сам собой.

— Я рад, что твой друг удрал, — сказал он Ренэ. — Мы не знали, что с ним делать, а я не желал ему зла. Жаль только, что не послал я отряда в страну Алачуа, о которой он тебе говорил. Быть может, нам удалось бы получить от них съестных припасов. Но теперь без проводника мы не найдем этой страны.

— А не отпустите ли вы меня к индейцам алачуа? — робко спросил Ренэ.

— Тебя, мальчуган? Нет, я не доверю тебе такого опасного дела.

Ренэ начал было его упрашивать, но Лодоньер остался непреклонен.

V. БЕГСТВО ХАС-СЕ И РЕНЭ

Разговор с Лодоньером заставил Ренэ призадуматься. Комендант считал путешествие в страну Алачуа весьма желательным, но ясно было, что он не позволит мальчику отправиться в путь вдвоем с Хас-се. Однако, по мнению Ренэ, ему меньше, чем кому бы то ни было, следовало опасаться индейцев. Он был другом Хас-се, а кроме того, индейцы считали его сыном доброжелательного к ним Лодоньера и относились к нему с уважением. Мальчику хотелось привести этот довод, но он боялся, что Лодоньер рассердится и запретит ему выходить из форта. Ренэ было уже семнадцать лет, и он считал себя взрослым.

Сейчас он совсем не походил на того мальчугана, который около года назад заливался слезами, прощаясь со старым домом, где прошло его детство.

Был он высокий, стройный и мускулистый. Его лицо, руки и

шея загорели под палящими лучами солнца и приняли бронзовый оттенок. Золотистые волосы были подстрижены.

Одевался он всегда одинаково: носил кожаную куртку, короткие штаны, толстые чулки и невысокие сапоги, облегавшие ногу. Симон Оружейник сделал ему легкие стальные латы, которые он надевал поверх куртки каждый раз, когда выходил из форта.

Было у него и оружие: прекрасный самострел, стрелы со стальными наконечниками и маленький, но острый кинжал, висевший у пояса.

Ренэ все утро обдумывал предложение Хас-се и, наконец, решил принять его. Зная, что Лодоньер его не отпустит, он задумал потихоньку уйти из форта. Он стал готовиться к путешествию: собрал разные безделушки, которые, как он знал, высоко ценились индейцами, а после полудня вынес сверток из форта и спрятал в лесу.

Ренэ, как и все остальные, не понимал, каким образом Хас-се удалось бежать; однако он не сомневался в том, что молодой индеец, верный своему слову, будет ждать его у реки, когда месяц поднимется над вершинами палм.

В тот вечер месяц должен был взойти около десяти часов. Лодоньер, чувствуя недомогание, рано лег спать, и Ренэ надеялся улизнуть никем не замеченный.

В девять часов он взял самострел, вышел из своей комнаты и с бьющимся сердцем направился к главным воротам форта. Здесь его окликнул часовой. Ренэ сказал пароль, и солдат узнал его, но наотрез отказался пропустить.

— Ступай домой, мальчуган, — сказал он. — После побега пленника нам строго-настрого запрещено выпускать вечером кого бы то ни было из форта.

Эта первая неудача привела Ренэ в замешательство. Он не знал, что делать. Перелезть через крепостной вал? Но караульные могли открыть по нему стрельбу. По ту сторону вала тянулся ров, и выбраться из него было нелегко. Присев на лафет пушки, мальчик задумался. И чем дальше он думал, тем меньше оставалось у него надежды на побег. Нет, не удастся ему уйти из форта и встретиться в назначенный час с Хас-се!

Вдруг загудел большой колокол, висевший у ворот. Ренэ насчитал десять ударов: значит, было уже десять часов. Затем раздались мерные шаги и бряцание оружия: шла смена караула. Мальчик сидел так близко от ворот, что до него донеслись голоса часовых. Узнав ворчливый голос своего старого друга, Симона Оружейника, он понял, что тому поручена охрана главных ворот.

Сменившиеся часовые прошли очень близко от того места, где находился Ренэ, но не заметили его в густой тени, отбрасываемой пушкой. Когда замерли их шаги, мальчик вздохнул свободнее. Не вставая с лафета, размышлял он о том, к какой уловке прибегнуть, чтобы обмануть старого Симона и выбраться из форта.

В тишине раздались стоны и заглушенные проклятья. Положив на землю самострел, Ренэ быстрыми шагами направился к воротам. Остановился он, когда Симон Оружейник сердито его окликнул.

Ренэ сказал пароль и добавил:

— Это я, Ренэ Дево, ты не узнал меня, Симон? Я услышал, как ты стонешь, и пришел узнать, что с тобой.

— Плохо мне, мальчуган, — отозвался старый солдат. — Кажется, и меня не минует лихорадка, которая треплет наших людей. С утра мне нездоровится, все кости ноют. Добрый господин Ле Муан дал мне лекарство, которое успокаивает боль. Принимать его нужно перед приступом лихорадки, но я думал, что приступ еще не скоро начнется, и оставил пузырек с лекарством в кузнице, а сейчас мне становится все хуже и хуже. Послушай-ка, Ренэ, не сбегаешь ли ты в кузницу и не принесешь ли мне пузырек?

— Рад тебе помочь, Симон, — ответил мальчик, который напряженно думал в то время, как старик повествовал о своей болезни. — Но мы сделаем не так, как ты говоришь. Ступай сам за лекарством; ты знаешь, где оно лежит, и найдешь его скорее, чем я. А кроме того, ты должен одеться потеплее, потому что ночь сегодня холодная. Пока ты не вернешься, я буду сторожить у ворот и клянусь тебе никого не пропущу.

Симон знал, что солдат, покидающий пост, совершает тяжкое преступление. Он долго колебался, но боли усиливались, а ночь действительно была холодная. Наконец, он решил последовать совету Ренэ.

— Хорошо, мальчуган, — проворчал он, — так мы и сделаем. Я и часа здесь не простою, если не приму этого лекарства. Но ты смотри в оба и прислушивайся к малейшему шороху. Я никогда еще не уходил со своего поста, и если что-нибудь случится в мое отсутствие, я тебя проучу.

С этими словами старый солдат передал Ренэ свою пику и быстрыми шагами направился к кузнице.

Как только он скрылся в темноте, Ренэ вернулся за своим самострелом, затем осторожно отодвинул засовы и приоткрыл

— А кто этот человек, который поклялся отомстить твоему племени?

— О, Та-ла-ло-ко, его ты должен знать! Я говорил о Читте, Змее. Надеюсь, мы его не встретим.

— А если встретим и он попытается на нас напасть, то ему несдобровать! — с жаром воскликнул Ренэ.

— Не знаю, Та-ла-ло-ко, — задумчиво отозвался Хас-се. — Боюсь, что встреча с Читтой кончится плохо для нас, а не для него.

Между тем каноэ скользило по узкому каналу, соединявшему ряд стоячих прудов. Справа и слева тянулись болота, поросшие лесом. Когда мальчики плыли по одному из прудов, от противоположного берега отделилось второе каноэ, стрелой пронеслось по поверхности пруда и скрылось за темными стволами кипарисов.

VII. ЧИТТА И КАТ-ША

Появление второго каноэ, которое увидели мельком и Ренэ и Хас-се, покажется необъяснимым, если мы не вернемся к событиям ночи, последовавшей за празднеством Зрелого Маиса.

Когда Хас-се, оглушенный ударом кулака, упал на землю, Читта бросился в лес и, тенью скользя между деревьев, пробрался к реке. На берегу лежало несколько десятков каноэ, и Читта быстро, но тщательно их осмотрел. Выбрав самое легкое и быстроходное суденышко, он спустил его на воду. Сжимая в руке весло, он повел украденную лодку вниз по течению и вскоре скрылся в тумане, нависшем над рекой.

Тяжелые мысли преследовали Читту. Он не знал, куда и зачем плывет, и не думал об этом. Ему хотелось только подальше уйти от тех, кто рано или поздно должен был пуститься за ним в погоню. Читта чувствовал ненависть ко всем людям и прежде всего к Хас-се и белому мальчику. Почему-то он был уверен в том, что именно Ренэ научил Хас-се новому приему борьбы и, следовательно, был виновником поражения Читты.

Сжигая амбар с маисом, Читта торжествовал: он знал, что обрекает на голод не только краснокожих, но и белых, а следовательно, и друга Хас-се. Совершив преступление, он надеялся, что никто не узнает виновника пожара, но надежда эта развеялась, когда неожиданно появился Хас-се, уличивший его. Теперь он должен был бежать, бежать от родного племени. Он знал, что ему не миновать сурового наказания, если он попадет когда-нибудь в руки своих соплеменников.

Читта причалил к берегу у подножия холма, на вершине кото-

под нависшими ветвями деревьев. Несколько ударов весел — и они покинули речонку и поплыли вниз по течению большой реки, залитой лунным светом.

VI. В СТРАНУ АЛАЧУА

Весла сверкали в лучах луны, и маленькое каноэ быстро и бесшумно скользило по широкой реке. Ренэ рассказывал своему другу о том, как бежал из форта и почему явился позже, чем было установлено. Когда он умолк, заговорил Хас-се, который до сих пор не проронил ни слова.

— Ты хорошо сделал, Та-ла-ло-ко, что послушался меня. С самого начала нам повезло, и я не сомневаюсь в успехе.

Ренэ был в этом далеко не так уверен, но не стал спорить.

— А теперь объясни мне, Хас-се, — попросил он, — как удалось тебе бежать. Весь гарнизон недоумевал! Твой побег доказывает, что из форта Каролина ничего не стоит уйти, хотя он и обнесен частоколом и рвом.

Хас-се долго молчал.

— Мне не хочется ничего от тебя скрывать брат мой, — сказал он, наконец, — но не спрашивай меня о том, как я бежал. Быть может, когда-нибудь ты все узнаешь, но сейчас я должен молчать.

Ренэ обиделся, думая, что друг ему не доверяет, но, зная характер Хас-се, он решил не приставать к нему с вопросами и заговорил о чем-то другом.

Долго плыли они по течению реки. Наконец, Хас-се ввел лодку в илистый канал, извивавшийся среди солончаковых болот. Канал этот разветвлялся на множество рукавов, и Ренэ боялся, что им не удастся выбраться из этого лабиринта.

Но Хас-се уверенно вел каноэ, сворачивая то в один рукав, то в другой. Они спугивали водяных птиц, которые тучей поднимались над болотом и пронзительными криками нарушали тишину. Из дальнего леса доносился протяжный вой волков и других ночных хищников, и у бедного Ренэ мороз пробежал по коже.

Наконец, они пристали к берегу у подножия холма, возвышавшегося над болотами. Хас-се объявил, что здесь они будут отдыхать до восхода солнца. Вытащив каноэ на сушу, он повел Ренэ к маленькой хижине, крытой пальмовыми листьями и приютившейся на склоне холма. В хижине было много серого мха; из него они сделали мягкую постель, и через минуту оба спали крепким сном.

Ренэ казалось, что он только что заснул, когда кто-то разбудил его, тронув за плечо. Вскочив, он увидел улыбающегося Хас-се. Солнце уже взошло. Ренэ спустился с холма, умылся холодной соленой водой, а вместо полотенца взял пригоршню мха. Потом он побежал завтракать.

Хас-се не только умел находить, но и отлично готовил кушанья. Здесь были яйца, рыба, устрицы и овощи, а Ренэ прекрасно знал, что с собой в дорогу они взяли только мешок сушеного маиса да несколько тыквенных бутылок с пресной водой.

Рыба называлась голавлем. Накануне Хас-се убил ее копьем, когда они плыли по реке. Утром он встал за час до восхода солнца, вычистил рыбу, завернул ее в свежие пальмовые листья, разгреб золу костра и зарыл рыбу в горячий песок, положив сверху тлеющие угли. Не вынимая устриц из раковин, он поджарил их на углях, и от огня раковины раскрылись. Яйца он добыл из гнезд болотных птиц, водившихся в камышах, и испек в горячем песке.

Больше всего удивился Ренэ при виде овощей; когда он спросил своего друга, что это такое, тот засмеялся.

— Неужели ты не узнал своей тезки, Та-ла-ло-ко? Это почки молодой пальмы. Нам, индейцам, они заменяют хлеб, когда у нас нет ни а-чи (маиса), ни кунтикатки.

Действительно, это были нежные листики и почки молодой пальмы, а на вкус они напоминали жареные каштаны.

Ренэ не хватало только соли для рыбы и яиц. Он сбегал к речонке и нашел крошки соли в раковине, из которой испарилась вода. Затем оба мальчика, смеясь и болтая, принялись за еду, и Ренэ уверял, что он никогда еще не ел такого вкусного завтрака.

Так как не нужно было мыть посуду, то сейчас же после завтрака они продолжили путь. До полудня плыли они среди однообразных солончаков, потом пересекли широкую лагуну и вошли в устье темной реки, струившейся с запада. Два дня поднимались они по этой реке, которая становилась все темнее и суживалась по мере приближения к истокам. Каное скользило с такой быстротой, что Хас-се надеялся догнать свое племя раньше, чем оно вступит в страну Алачуа. Несколько раз он причаливал к берегу в тех местах, где зоркие его глаза замечали следы стоянок. Здесь он находил золу и обугленные палки и, внимательно их осмотрев, возвращался к Ренэ. Тот заметил, что у его друга лицо хмурое и озабоченное.

— Что с тобой, Хас-се? — спросил он, наконец. — Я вижу, что ты встревожен. Не могу ли я помочь тебе?

Хас-се налег на весла и долго молчал. Наконец, он заговорил, словно размышляя вслух:

— Кроме нас, еще какие-то люди следуют за моим племенем, и я боюсь, что это враги.

— Почему ты так думаешь?

— Я убедился, что кто-то внимательно осматривал те места, где останавливалось на отдых племя Микко. А на противоположном берегу реки я нашел золу маленьких костров и на песке — отпечатки ног. Два человека следят за Микко. Один из них носит мокассины, каких нет у людей моего племени. Боюсь, что эти двое — враги.

— Но почему ты считаешь их врагами? — спросил Ренэ. — Быть может, они, как и ты, отстали от племени и теперь его догоняют? Или же один из них твой соплеменник, а другой принадлежит к дружественному вам племени. Вспомни, сколько гостей было на празднике Зрелого Маиса.

— Нет, ты неправ — возразил молодой индеец. — Будь это друзья, почему-либо замешкавшиеся в пути, они давным-давно могли бы догнать племя. Они делали привал одновременно с племенем Микко и осматривали места его стоянок раньше, чем успевала остыть зола костра. А свои маленькие костры они раскладывали в укромных уголках, чтобы не увидели их случайно те, что идут впереди.

— Но зачем им красться по следам Микко? Двоим все равно не справиться с целым племенем.

— Не знаю, Та-ла-ло-ко, но боюсь, что это семинолы. Они следуют за моим племенем, чтобы ограбить его под покровом ночи или завладеть чьим-нибудь скальпом. Они трусы и нападают только на незащищенных. Но, быть может, один из них тот, кто возненавидел мое племя и поклялся ему отомстить. Он нашел себе достойного спутника и теперь крадется по следам Микко.

Хас-се нахмурился и умолк. Ренэ снова нарушил молчание.

— Кто эти семинолы, о которых ты говоришь с таким презрением?

— На моем родном языке слово "семинол" значит беглец. Семинолы это шайка воров и убийц, которых изгнали из своей среды мое племя и другие племена, живущие севернее. Сначала семинолов было мало — жалкая горсточка, а теперь их столько, что они стали называть себя племенем. Они живут во вражде со всеми остальными племенами, а мой народ всегда ведет с ними войну.

Кат-ша решил, что все племя переселяется в какую-то далекую страну. А судя по тому в какую сторону держали они путь, он угадал, что Микко уводит своих соплеменников в плодородную страну Алачуа.

— Ты виновник этого переселения, — сказал он Читте, который с грустью смотрел на уплывающие каноэ. — Да, молодой семинол, это твоих рук дело! Ты уничтожил их запасы провизии, и они вынуждены покинуть эту страну. Последуем за ними и узнаем, куда держат они путь. Потом я приведу моих храбрых воинов, и мы разрушим гнездо белых людей.

Когда флотилия скрылась за поворотом реки, оба семинола сели в каноэ, украденное Читтой, и поплыли вниз по течению. Они держались близко к берегу, чтобы не быть замеченными теми, кто плыл впереди.

Тщательно осматривали они места, где племя располагалось на отдых, и, убедившись, что никто за ними не следит, разводили маленькие костры в зарослях на противоположном берегу.

Кат-ша был очень доволен. Следуя за племенем Микко, он в то же время приближался к островку, где находились его воины. Подумывал он привести своих молодцов и напасть на индейцев, путешествовавших со своими женами и детьми, а затем, завладев их имуществом, вернуться к форту Каролина.

Хас-се случайно обратил внимание на золу костров и отпечатки ног двух семинолов, а вскоре оба мальчика увидели каноэ, которое через секунду скрылось за поворотом. У Хас-се глаза были зоркие, и он первый ее заметил.

— Смотри! — крикнул он Ренэ. — Или это мои соплеменники, и, значит, мы скоро догоним отставших, или это враги, преследующие их. Та-ла-ло-ко, нам — или, вернее, мне — предстоит работа: я должен узнать, что это за каноэ, и предостеречь моих соплеменников, если им угрожает опасность. Но тебя я постараюсь уберечь от встречи с врагами.

— Какие глупости, Хас-се! Вместе мы пустились в путь, и я не покину тебя в минуту опасности. Твои друзья — мои друзья, твои враги — мои враги. Не думай обо мне и поступай так, как ты считаешь нужным, а я последую за тобой, куда бы ты ни пошел.

Хас-се ничего на это не ответил и только улыбнулся, словно хотел сказать: "Хорошо, Та-ла-ло-ко, я принимаю твоё предложение, и вместе мы пойдем навстречу опасности".

В обычных условиях Хас-се вряд ли счел бы благоразумным пересекать пруд при ярком дневном свете, когда на противопо-

рого адмирал Рибо воздвиг каменную колонну. Привязав каноэ и спрятав его в зарослях, он стал подниматься по узкой тропинке на вершину. Днем отсюда видна была река, и можно было заметить за много миль приближение врага.

Но сейчас, ночью, тьма окутала окрестности, и только луна серебрила воду. Молодой индеец набрал охапку листьев и мха, а затем улегся, натянув на голову одеяло.

Он очень устал и заснул мгновенно. Прошло около часу. Вдруг из-за кустов показалась высокая фигура индейца; целый час пролежал он в засаде и следил за спящим, потом осторожно приблизился к нему. В руках он держал тонкий ремень, на одном конце которого была петля.

Бесшумно опустился он на колени подле Читты и ловко надел петлю на его ноги, обутые в мокасины. Слегка затянув ее, так чтобы не потревожить спящего, он привязал другой конец ремня к дереву, затем уселся подле Читты и терпеливо стал ждать его пробуждения.

На восходе солнца Читта пошевелинулся, зевнул и сел. Когда взгляд его упал на неподвижную фигуру, сидевшую в двух шагах от него, он испуганно вскрикнул и вскочил, но петля тотчас же

затянулась, и он тяжело рухнул на землю. Высокий индеец также вскочил и наклонился над своей жертвой. Читта не был трусом. Убедившись, что попал в западню, он спокойно спросил:

— Кто ты такой? И что я тебе сделал? Почему ты напал на меня?

— Сначала я скажу тебе, кто ты, — отозвался высокий индеец. — Тебя зовут Читта. Вчера, на празднике Зрелого Маиса, тебя поборол юноша, который носит в волосах то-фа чат-те (красное перо). Ты тот, кто поджег маис. А теперь ты, как и я, изгнанник и не можешь вернуться к родному племени. Знай, что я тот самый семинол, которого зовут Кат-ша.

Услышав это имя, Читта невольно вздрогнул. Впервые видел он этого высокого индейца, но имя Кат-ша было знакомо ему с детства. Матери-индианки пугали им непослушных детей, потому что так звали самого смелого и самого жестокого из всех семинолов.

Когда Кат-ша был юношей, случилось ему как-то в пылу гнева нанести страшный удар одному из своих товарищей. Бедняга умер, а племя изгнало Кат-шу. С тех пор скитался он по стране, грабил и убивал всех, кто не мог ему противостоять. Вокруг него объединились беглецы — такие же преступники, и вскоре Кат-ша стал вождем шайки семинолов, о которой Хас-се рассказал своему Другу. Все племена ненавидели семинолов и вели с ними войну. Неудивительно, что Читта вздрогнул от испуга, узнав, в чьи руки он попал.

Довольный тем, что одно его имя произвело впечатление на пленника, Кат-ша продолжал:

— Долго следил я за бледнолицыми, пришедшими из-за морей. На них я хочу напасть. Но сначала я должен был узнать, много ли их. Вот почему явился я сюда. Видел я также и твоих соплеменников, пировавших у костра, и прошлой ночью решил поджечь амбар. Но ты избавил меня от этой работы. Я благодарен тебе и пощажу твою жизнь при условии, если ты отречешься навеки от своего племени и войдешь в мой отряд.

— Как! Ты хочешь, чтобы я стал семинолом? — воскликнул Читта, и в голосе звучало презрение.

Как ни был он зол и мстителен, но никогда не приходила ему в голову мысль вступить в шайку убийц, которых все ненавидели.

— Ун-ка (да), — злобно ответил Кат-ша. — Ведь ты теперь изгнанник и беглец. Разве можешь ты вернуться к своему племени? Нет! Тебе остается только присоединиться к храбрым и воинственным семинолам. Выбирай: или ты будешь семинолом, или я убью тебя, и никто не узнает, какая судьба тебя постигла.

Читта содрогнулся и после недолгого раздумья сказал решительно:

— Будь по-твоему, Кат-ша. Зови меня Семинолом.

— Читта Семинол, я рад, что встретил тебя! Настанет день, когда мы, семинолы, будем могущественным племенем и подчиним себе все другие племена. А теперь в путь!

Кат-ша, радуясь, что привлек в свои ряды молодого воина, угостил Читту сушеной олениной, которую достал из своей сумки. Поев, оба семинола притаились в тени кактуса и стали смотреть на реку, не покажутся ли каноэ, отправленные в погоню за Читтой.

VIII. ПО СЛЕДАМ

Кат-ша объяснил Читте, что весь отряд его находится на острове, который служит как бы крепостью семинолов. Расположен он среди непроходимых болот Окифеноки. Читта узнал, что Кат-ша хотел немедленно привести своих воинов и напасть на форт Каролина, но его остановило присутствие в окрестностях форта нескольких сот индейцев.

— Ха! — воскликнул Читта, перебивая вождя. — Хотя я и ни разу еще не бывал в бою, но могу оказать тебе услугу.

И он открыл Кат-ше тайну, которую знали лишь немногие из племени Микко. Тайну эту Хас-се не захотел доверить Ренэ, когда тот спрашивал своего друга, как удалось ему бежать из форта.

Кат-ша слушал внимательно и, когда Читта умолк, воскликнул:

— Ты мудр, как змея! Недаром дано тебе это имя. Теперь нам легко будет завладеть гнездом бледнолицых. Зная эту тайну, я считаю, что форт уже в наших руках. Нужно только выждать.

Разговаривая, они заметили какую-то темную массу, движущуюся вниз по течению реки. Кат-ша заявил, что это флотилия каноэ, и оба с любопытством стали следить за ней.

На этих каноэ плыли в плодородную страну Алачуа соплеменники Читты. Сначала держались они как можно ближе к берегу, чтобы не привлечь внимания белых из форта Каролина. Микко боялся, что белые попытаются их задержать. Но когда форт остался далеко позади и показался холм, на вершине которого притаились два семинола, каноэ выплыли на середину реки и, увлекаемые течением, понеслись по направлению к ее устью.

В каноэ находились не только воины, но женщины и дети, и

— О, это ты, Хас-се! — хрипло прошептал он. — Как я рад, что ты, наконец, вернулся! Нас преследует Читта, а с ним какой-то высокий индеец; лицо у него хмурое и злое.

Он рассказал своему другу о появлении странного каноэ, а тот, внимательно выслушав его, воскликнул:

— У Хас-се тоже есть о чем рассказать. Я спустился по тропинке к реке и услышал гул голосов. Это мои соплеменники. Идем к ним.

— Но Читта и его спутник могут увидеть наше каноэ!

— Ну что же! Мы их далеко опередили, и чтобы догнать нас, они должны лететь быстрее ху-ла-ла (ветер). Скоро мы будем с друзьями. Ну, как твоя рука? Все еще болит?

— Моя рука? А я и забыл о ней! Нет, боли я не чувствую и опухоль спадает. Ты меня вылечил, Хас-се.

— Скорее в путь! И если придется нам встретиться с Читтой, постараемся вырвать у него жало!

Мальчики вывели лодку из лагуны и поплыли вниз по течению узкой реки, к тому месту, где надеялись встретить друзей. Но не успели они проплыть и сотни шагов, как тишину прорезал дикий вопль, напоминающий вой взбешенной пантеры.

— Это крик Кат-ши Семинола! — воскликнул Хас-се. С Кат-ши и со Змеей нам не справиться! Вперед, Та-ла-ло-ко!

Мальчики налегли на весла, и маленькое каноэ стрелой понеслось по воде мимо темных неподвижных кипарисов. Но преследователи также напрягали все силы, чтобы догнать ускользавшую у них из рук добычу.

Кат-ше и Читте надоело сидеть в засаде и ждать появления каноэ. Они решили вернуться и разузнать, чем вызвана задерж-

ложном берегу могла быть устроена засада. Но сейчас он решил рискнуть, надеясь, что людям, сидевшим в каноэ, не придет в голову оглянуться и посмотреть, не следует ли кто-нибудь за ними.

Быстро пересекли они заводь. Хас-се зорко всматривался в заросли на противоположном берегу, но ничего подозрительно не заметил. На узких просеках среди темных кипарисов не видно было никаких следов человека. Они ввели каноэ в узкий канал; течение было едва заметно, но Ренэ, к великому своему удивлению, убедился в том, что поток течет в сторону, противоположную той, в какую текла река, извивавшаяся среди солончаков. Хас-се приказал ему хранить молчание, и Ренэ не проронил ни слова, но твердо решил найти объяснение этому странному явлению.

Впоследствии он узнал, что река, по которой они поднимались, и та, по какой они сейчас спускались, обе берут начало в великих болотах и связаны многочисленными каналами, но в то время, как одна течет на восток, к Атлантическому океану, другая несет свои воды на запад и впадает в Мексиканский залив.

Считая себя незамеченными, мальчики едва не попали в западню. Хитрый Кат-ша привык быть всегда настороже; он знал, что за каждым деревом может притаиться враг, каждое дыхание ветра может принести боевой клич врага. Когда каноэ его вошло в канал и скрылось в тени кипарисов, он оглянулся и увидел, как блеснуло весло над гладью пруда. Тотчас же он понял, что кто-то преследует его, подобно тому, как сам он преследует племя Микко.

О своем открытии он сказал Читте, а тот посоветовал выйти на берег, спрятаться и подстеречь преследователей. Но Кат-ша был умнее и опытнее, чем Читта.

— Если преследователи нас заметили, — сказал он, — они ждут, что мы устроим засаду как раз здесь, у входа в канал. Нужно обмануть их ожидания. Благополучно миновав опасное место, они подумают, что мы их не видели. Поплывем дальше.

Сделав еще около мили, Кат-ша остановил каноэ. В этом месте ползучие растения свешивались над водой, а прибитые к берегу затонувшие деревья мешали плаванию. Здесь поток был так узок, что едва хватало места для одного каноэ. Вытащив свое суденышко на сушу, они спрятали его в кустах.

Кат-ша притаился на одном берегу, Читта на другом; оба были скрыты густой завесой ползучих растений. Достав луки и стрелы, они терпеливо стали ждать.

Хас-се и Ренэ осторожно плыли по каналу, понятия не имея о расставленной для них ловушке. Когда оставалось четверть

мили до того места, где устроена была ловушка, Хас-се прошептал:

— Там, дальше, река суживается. Смотри внимательно, Талла-ло-ко, прислушивайся к каждому шороху.

Ренэ ответил ему также шепотом:

— Я смотрю в оба, Хас-се... Ах, что это?

Где-то треснула ветка, и мальчики, подняв весла, стали прислушиваться. Каное было предоставлено самому себе, и течением его отнесло к полузатонувшему дереву. Ренэ опустил руку в воду, чтобы оттолкнуться от ствола, но тотчас же ее выдернул и тихо вскрикнул: длинная водяная, змея из породы мокасинов скользнула по стволу и уплыла к тинистому берегу.

IX. ПЛЕМЯ МИККО

Услышав приглушенный крик Ренэ, Хас-се быстро оглянулся и увидел мокасина, скользнувшего в воде. Заметил он и капелюшку крови на пальце своего друга.

Не говоря ни слова, молодой индеец бросился к Ренэ, вытащил из ножен маленький острый кинжал, расширил им ранку и стал высасывать из нее кровь, после чего прополоскал рот водой.

Потом он взял пригоршню ила и обложил им больной палец. Схватив весло, он повернул нос каное к верховьям потока, и они поплыли назад, к маленькой лагуне, где росли какие-то странные водяные лилии. Хас-се захватил охапку их и вырвал с корнем. Взяв одну луковицу, он размял ее, смыл грязь с руки Ренэ и приложил луковицу к ранке.

Рука распухла и сильно болела, но корень лилии, приложенный к пальцу, сразу успокоил боль. Ренэ вздохнул с облегчением и стал благодарить своего друга.

— Это лекарство знают все мои соплеменники, — отозвался тот.

Помолчав, он с гордостью добавил:

— Бледнолицые умеют делать вещи, которых нет у нас, индейцев, но они не знают того, что знаем все мы. Где водятся ядовитые змеи, там всегда можно найти растение, делающее яд их безвредным. Этого белые не знают. Скоро рука твоя перестанет болеть, и ты забудешь о читта-уива, великой водяной змее.

— Это поразительно! — воскликнул Ренэ. — Если ты поедешь со мной во Францию и привезешь этих луковиц, мой народ будет почитать тебя, и ты прослывешь великим лекарем.

Хас-се только покачал головой и улыбнулся в ответ на это предложение. Потом он сказал:

— Ты должен полежать спокойно и смачивать руку холодной водой, а я отправлюсь на разведку. От лагуны начинается узкая тропинка; река делает здесь крутой поворот, огибая мыс, а тропинка пересекает этот мыс, и, пробираясь по ней, я, быть может, догоню тех, что плывут впереди, и узнаю, кто они. А ты жди меня здесь.

Ренэ охотно согласился. Когда ушел Хас-се, он глубоко задумался. Вспомнился ему форт Каролина, Лодоньер, боровшийся с первыми приступами лихорадки, гарнизон маленькой крепости, которому грозила голодная смерть. И в первый раз захотелось ему вернуться и разделить с товарищами все невзгоды. Но о возвращении нечего было и думать. Он понимал, какое значение имеет предпринятое им путешествие. Потом вспомнились ему Франция, родной дом и старый Франсуа. Как удивился бы старик, если бы увидел сейчас эту темную лагуну, странные растения и деревья на берегу, и его, Ренэ, лежащего на дне лодки!

Вдруг мальчик вздрогнул, услышав легкий плеск и заглушенные голоса. Осторожно приподняв голову над бортом лодки, он увидел у входа в лагуну, где спрятано было его суденышко, другое каное, в котором сидели два индейца. Нос каное был повернут к верховьям реки, но индейцы перестали грести и, казалось, обсуждали вопрос, стоит ли исследовать берега этой лагуны. Одного из них Ренэ узнал — то был Читта, другого же он видел впервые.

Затаив дыхание, мальчик следил за ними; его самого не было видно — широкие листья лилий вставали перед ним зеленым барьером. Индейцы говорили так тихо, что он не мог расслышать ни одного слова. От результата этих переговоров зависела его судьба. Он слышал от Хас-се, что Читта его ненавидит, а Читта был не из тех, кто щадит врагов.

С каким облегчением он вздохнул, когда разговор оборвался, и каное снова поплыло вверх по течению! Ему хотелось поскорее покинуть эту лагуну, где едва не настигли его враги, и он с нетерпением ждал Хас-се.

Опасаясь, как бы не вернулся Читта со своим спутником, Ренэ не спускал глаз с реки. Вот почему не услышал он легких шагов и не заметил, как его друг вышел из леса. Когда подле него раздался тихий смех, мальчик так испугался, что едва не перевернул каное.

— Мы умираем с голоду! — начал Симон.

— Правда, живем мы впроголодь, — сказал Ле Муан, — но будем надеяться на лучшее.

— Мы умираем от лихорадки.

— Отчасти и это правда.

— Нам грозит нападение индейцев.

— У нас крепкие стены, мы будем защищаться.

— Никто не знает, для чего мы забрались сюда, в эти чужие края. Помощь придет, когда кости наши сгниют в земле.

— Адмирал Жан Рибо обещал прийти нам на помощь, — ответил художник. — Он сдержит слово.

— Золота в этой стране нет, а людям нечем здесь прокормиться.

— И однако племя вождя Микко живет здесь и не голодает. Что же касается золота, то, быть может, мы еще найдем его.

Ничего на это не ответив, Симон продолжал:

— Передайте коменданту, что мы хотим построить корабль и вернуться на родину. Мы просим его, как только он поправится, увести нас из этой проклятой страны.

Эти жалобы и просьбы встревожили Ле Муана. До сих пор он понятия не имел о настроях гарнизона. Долго уговаривал он солдат отказаться от безумной затеи, вернуться к исполнению своих обязанностей и терпеливо ждать подкрепления из Франции. Но Симон Оружейник, говоривший от лица всего гарнизона, настоял на том, чтобы Ле Муан передал их требование Лодоньеру.

Лодоньер пришел в негодование, и только болезнь помешала ему вскочить с постели и выйти к мятежникам. Был он человек упрямый и настойчивый и никогда не шел на уступки. Он поручил Ле Муану передать солдатам, что ему, Лодоньеру, приказано было основать здесь форт и ждать дальнейших распоряжений; пока эти распоряжения не получены, он страны не покинет. Солдатам он приказывает заняться укреплением форта и готовиться к нападению, которое следовало ожидать со стороны южных индейских племен. Когда Ле Муан передал солдатам эти слова, Симон Оружейник сказал:

— Господин Ле Муан, от коменданта мы другого ответа и не ждали. Будьте добры, скажите ему, что всем нам дорога жизнь и мы будем готовы отразить нападение индейцев. Но в то же время мы позаботимся о том, чтобы ускорить и наш и его отъезд из этой страны.

Снова отдав Ле Муану честь, старый солдат повернулся и вышел, а за ним последовали все остальные.

ка. У входа в лагуну, где Ренэ поджидал своего друга, они остановились, не зная, что делать. Тропинка, по которой ушел Хас-се, разветвлялась, и вторая тропа вела к дальней крепости семинолов, расположенной среди великих болот.

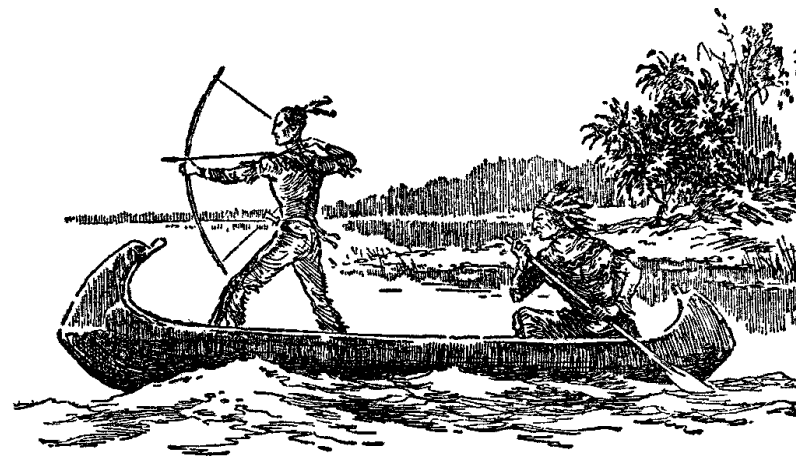
Кат-ша предложил отправиться на разведку и исследовать эту тропу. Быть может, в каноэ плыли воины из его отряда; в таком случае не худо было бы их нагнать. Но Читта сказал, что чужое каноэ может проскользнуть незаметно, пока они будут исследовать берега лагуны. Не лучше ли вернуться к пруду, откуда берет начало река, и убедиться, что никто за ними не следует, а после этого зайти в лагуну? К счастью для Ренэ, Читта одержал верх в споре, и они поплыли к истокам реки.

На обратном пути увидели они каноэ, выходящее из лагуны, и вот тогда-то Кат-ша и издал боевой клич своего племени, который привел в ужас обоих мальчиков.

И Читта и Кат-ша издали заметили перо фламинго, вплетенное в волосы Хас-се, а по костюму узнали Ренэ, которого все индейцы считали сыном белого вождя.

Все быстрее и быстрее скользили по воде каноэ. То, в котором сидели мальчики, было легче, но великан Кат-ша с такой силой налегал на весла, что расстояние между двумя лодками заметно уменьшалось. Мальчики прерывисто дышали и обливались потом; казалось им, что их каноэ ползет как черепаха.

Вдруг Хас-се опустил весло, приложил руку к губам и издал протяжный дикий вопль, разбудивший тишину леса. Когда он снова взялся за весло, где-то неподалеку раздался ответный крик.

Прошло несколько секунд. Над головой Хас-се прожужжала стрела, срезала красное перо и вонзилась в плечо Ренэ. Но из-за поворота уже показалось каное с воинами вождя Микко, и измученные мальчишки поняли, что они спасены.

Х. МЯТЕЖ В ФОРТЕ КАРОЛИНА

Тяжелые времена настали для форта Каролина, расположенного на берегу великой реки Май.

За месяц до того дня, когда Ренэ Дево потихоньку покинул форт, Лодоньер послал отряд из десяти человек исследовать страну к югу от форта и отыскать горы с золотыми самородками, о которых ходили слухи среди белого населения. Долго скитались солдаты по бесплодным песчаным равнинам, переправлялись через глубокие реки, блуждали по лесам и болотам. Видели они удивительных птиц с ярким оперением, странные растения и цветы и каких-то неведомых зверей, но золота не нашли.

Измученные, больные, голодные забрели они в туземную деревушку. Жители этой деревушки никогда не видели белых и в испуге разбежались. Голодные солдаты вошли в хижины, отыскивали съестные припасы, разграбили их и, разведя костер, принялись за стряпню. Искры от костра упали на крышу одной из хижин, и через несколько минут вся деревня была объята пламенем.

Индейцы, спрятавшиеся в лесу, видели, как пожирает огонь их жилища. Думая, что белые подожгли их умышленно, они начали стрелять из луков. Один человек был убит, четверо ранены. Солдаты в ужасе покинули деревушку, но индейцы, прячась за

деревьями, преследовали их, и еще четыре человека заплатили жизнью за свою небрежность.

Спустя несколько дней пятеро оставшихся в живых вернулись в форт Каролина. Плохие принесли они вести своим товарищам: золота в стране нет, пять человек убиты, а южные индейцы объявили войну всем белым.

У Лодоньера и без того хлопот было по горло. Тяжелое впечатление произвел на него уход Ренэ: он боялся, что мальчик погибнет. Между тем в форте уже остро ощущался недостаток в съестных припасах. Сам Лодоньер боролся с приступами лихорадки; последние дурные вести сломили его, и он слег.

На гарнизон форта угнетающе подействовала болезнь коменданта. Вдобавок и голод давал себя чувствовать. Недовольные поговаривали о том, что следует принудить Лодоньера покинуть форт и Новый Свет и вернуться во Францию на корабле, который они построят из имеющихся материалов. Солдаты посмелее открыто призывали к мятежу.

Во главе этих недовольных стоял старый друг Ренэ, Симон Оружейник. Он всегда любил поворчать, а после побега Ренэ его посадили на один день на гауптвахту за то, что он покинул свой пост. Этот арест его оскорбил, и он открыто принял сторону мятежников.

Вследствие болезни Лодоньера и почти всех офицеров обязанности коменданта форта перешли к художнику Ле Муану. Как-то утром, когда он работал в своей комнате, явился Симон Оружейник, а за ним чуть ли не весь гарнизон. Старый солдат отдал честь и сказал:

— Господин Ле Муан, пожалуйста, выслушайте нашу просьбу и доведите ее до сведения коменданта.

— Слушаю, — отозвался Ле Муан, не скрывая своего удивления. — Говори скорее и возвращайся на свой пост.

Если когда-нибудь понадобятся тебе моя помощь, пришли это перо мне или одному из моих соплеменников, и знай, что мы придем к тебе на помощь, хотя бы это стоило нам жизни. Храни перо, но не носи его в волосах: только вожди моего племени и сыновья вождей имеют право вплетать его в волосы.

Взяв в руки поднесенный подарок, Ренэ с изумлением увидел, что к перу фламинго привязана тонкая золотая цепочка с золотой булавкой очень красивой работы. Эту булавку Хас-се втыкал в волосы, а стрела Читты рассекла цепочку.

В ответ на вопросы Ренэ Хас-се объяснил, что украшения эти получены из далекой страны, где заходит солнце.

Золота там столько же, сколько песчинок на берегу великого соленого моря, и оттуда торговцы принесли цепь и булавку и продали его племени.

На восходе солнца индейцы тронулись в путь. Ренэ и Нэтла полулежали в каноэ, а на веслах сидели Хас-се и Я-чи-ла-не, Орел, муж Нэтлы. Поток, по которому они плыли, постепенно расширялся, и вскоре великие болота остались позади. Каноэ скользили по широкой реке, берега которой были покрыты пестрым ковром цветов. Индейцы называли эту реку Уитлакучи, но впоследствии испанцы изменили название на Сан-Хуанита. Теперь туземцы называют ее Суани.

В реке водилось много аллигаторов, и индейцы их убивали, чтобы добыть жир из суставов хвоста.

Через два дня племя прибыло в страну Алачуа, с которым поддерживало дружеские отношения. И алачуа и племя Микко говорили на одном наречии. Это была страна саванн, прорезанная чистыми ручьями, в которых водилось много рыбы. В рощах магнолий и дубов журчали обильные ключи. Люди жили здесь добродушные и миролюбивые, и они ласково встретили пришельцев с востока.

В тот же день племя выбрало место для стоянки в дубовой роще, где протекал прозрачный ручей. Здесь индейцам предстояло прожить несколько месяцев. К закату солнца выросли десятки маленьких хижин и засверкали в ветвях искры костров.

Вождь Микко поселил Ренэ Дево в своей хижине, и мальчик спал вместе с Хас-се на ложе из медвежьих шкур. Пока не затянулась его рана, он отдыхал и ни о чем не думал, словно не было у него никаких забот. По целым дням болтая с Хас-се и Нэтлой, он хорошо изучил индейский язык.

Сначала индейцы племени алачуа, никогда не видевшие белых, рассматривали его с любопытством, словно какую-то диковин-

Ле Муан отправился с докладом к Лодоньеру и так его взволновал, что к вечеру больному стало хуже. Всю ночь он бредил, звал Ренэ Дево и просил его не уходить к индейцам.

Между тем солдаты в тот же день принялись за работу и начали строить маленькое судно, на котором надеялись переплыть океан.

Работали они с таким рвением, что меньше чем через — месяц корпус судна был закончен, и оставалось только спустить его на воду.

Несколько отрядов вышли из форта добывать лес для мачт, смолу, чтобы просмолить судно, а также запастись рыбой и дичью для далекого путешествия. Но охота и рыбная ловля шли неудачно. А в форте иссякли последние запасы маиса, и гарнизон питался исключительно рыбой и почками пальмы, заменявшими хлеб. Приготавливать их белые научились от индейцев.

Ровно через месяц после бегства Ренэ на солдат, работавших в лесу, внезапно напали индейцы. Было их так много, что французы, потеряв несколько человек, в смятении бежали.

Индейцы преследовали их до самых ворот форта, но здесь были остановлены сильным артиллерийским огнем. Пушечные выстрелы они слышали впервые; в ужасе обратились они в бегство и спрятались в чаще леса.

К вечеру индейцы высыпали на опушку леса и расположились вокруг холма, где несколько недель назад племя Микко справляло праздник Зрелого Маиса.

Увидев их, Симон Оружейник, возглавлявший теперь гарнизон, решил дать бой.

Лихорадка и недоедание вывели из строя многих солдат и Симон мог набрать только пятьдесят человек, способных держать в руках оружие. Но его это нимало не смутило. Он считал, что пятидесяти человек более чем достаточно.

Смело вывел он горсточку людей из форта и двинулся к холму, вокруг которого собрались индейцы.

Внезапно французы увидели, что окружены со всех сторон. Индейцы выскакивали из-за каждого дерева, из-за каждого куста. Симон не заметил, как они подкрались сзади.

Маленький отряд попал в засаду и убедился в этом, лишь услышав свист стрел и копий, рассекавших воздух. В то же время раздался оглушительный дикий вой, который испугал французов не меньше, чем пушечные выстрелы индейцев.

Зная, что единственная надежда на спасение в быстром отступлении, Симон сделал отчаянную попытку прорваться назад,

к форту. Но отряду в пятьдесят человек трудно было справиться с лавиной индейцев, и, казалось, ни один из французов не уцелеет.

Измученные неравной борьбой, они пришли в отчаяние, как вдруг положение резко изменилось: кто-то напал на индейцев с тыла, и они, охваченные паникой, обратились в бегство.

Не пытаясь узнать, кто пришел им на помощь, солдаты поспешили вернуться в форт.

XI. ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕНЭ

Ренэ Дево в изнеможении бросил весла и опустился на дно лодки. Стрела, пущенная Читтой, вонзилась ему в плечо и причиняла мучительную боль. Словно сквозь сон сознавал он, что они спасены и находятся среди друзей. Смутно он чувствовал, как его осторожно подняли и понесли куда-то. Он потерял сознание, и обморок перешел в глубокий сон.

Когда он снова открыл глаза, легкий ветерок обвеивал его лицо, и чья-то рука приглаживала ему волосы. Приподнявшись, он увидел Нэтлу, сестру Хас-се; она сидела подле него и обвевала его связкой душистых трав.

Когда он сделал попытку встать, она мягко удержала его и вышла. Через секунду она вернулась, а вслед за ней в хижину вошел Хас-се. Убедившись, что Ренэ чувствует себя гораздо лучше, он просиял от радости. От него Ренэ узнал, что индейцы, явившиеся на зов Хас-се, на минуту задержались, расспрашивая, кто преследователи и много ли их. Этой задержкой воспользовались Кат-ша и Читта. Быстро уплыли они вверх по течению, и невозможно было отыскать их в лабиринте каналов, пересекающих великие болота.

Счастливым случай помог мальчикам догнать друзей: у соплеменников Микко было мало съестных припасов, и они решили остановиться на два дня и пойти на охоту, чтобы пополнить запас провианта.

Благодаря лекарственным травам, которые Нэтла прикладывала к его ране, Ренэ быстро поправлялся, к вечеру следующего дня он уже мог выйти на лужайку перед палаткой вождя. Пылал большой костер, женщины жарили оленину, индюков, медвежьи окорока.

Хас-се подошел к своему другу и вложил ему в руку перо фламинго, которое срезано было накануне стрелой Читты.

— Та-ла-ло-ко, — сказал он, — я дарю тебе это перо, как залог дружбы. Пусть навсегда останется в памяти твоей этот день.

земный ход под одной из стен, чтобы входить в форт или уходить по своему желанию. Этим ходом воспользовался Хас-се, когда твой народ взял его в плен. Мне нетрудно было пролезть между железных прутьев, загораживающих окно.

Ренэ был удивлен и встревожен. Он спросил Хас-се, всему ли племени известно существование этого подземного хода.

— Нет, — ответил Хас-се. — Об этом знают человек двадцать, не больше, и все они будут хранить тайну.

— Ну, что ж, — сказал Ренэ, — если подземный ход существует, мы можем им воспользоваться. Покажи мне, где он находится, а я войду в форт, отыщу Лодоньера и расскажу ему обо всем случившемся. А все остальные пусть ждут у реки. Лодоньер прикажет солдатам взять у них провизию и выдать им награду. Затем вы все вернетесь в страну Алачуа. — Голос Ренэ дрогнул. — О, Хас-се! — воскликнул он. — Тяжело мне с тобой расставаться! Если бы у меня был брат, я бы не мог его любить больше, чем люблю тебя.

Мальчики так долго перешептывались, что Я-чи-ла-не, не зная, о чем идет речь, стал беспокоиться. Наконец, Хас-се подошел к нему и сказал, что Ренэ нашел способ проникнуть в форт. Я-чи-ла-не разрешил Хас-се отправиться вместе с Ренэ и обещал терпеливо ждать его возвращения.

Мальчики сели в каноэ и поплыли вверх по реке. Стараясь не шуметь, причалили они к берегу там, где стена форта спускалась к самой реке. Раздвинув переплетенные лозы дикого винограда, Хас-се приподнял большой кусок древесной коры, и Ренэ увидел щель в земле, такую узкую, что в нее с трудом мог пролезть один человек. Здесь начинался подземный ход. Хас-се шел впереди, Ренэ следовал за ним по пятам. В непроглядной тьме они ощупью продвигались вперед. Когда они добрались до конца тоннеля, Ренэ был уверен, что подземный ход имеет в длину не меньше километра, в действительности же они прошли около ста метров.

Наконец, Хас-се остановился и сдвинул второй кусок коры, пришедшийся как раз над его головой. Шепотом сказал он своему другу, что они находятся под домом коменданта, построенном на каменных сваях, которые поднимались над землей метра на полтора.

Хас-се лег ничком в узком проходе. Ренэ перелез через него, горячо пожал ему руку и выбрался из тоннеля. Жадно вдохнул он свежий ночной воздух, потом осмотрелся по сторонам. Хас-се сказал правду: он находился как раз под домом коменданта, в чем не замедлил убедиться, больно ударившись головой об одну

ку, но вскоре привыкли к нему и стали очень тепло относиться к другу Хас-се.

Через неделю Ренэ выздоровел и отдохнул. Теперь — решил он — настало время приступить к делу, которое привело его в эту страну. Явившись к вождю племени алачуа, он показал ему вещи, находившиеся в свертке, который он привез из форта Каролина. Были здесь ножи, топоры, зеркальца, рыболовные крючки, но вождю эти самые обыкновенные вещи казались сокровищами, не имеющими цены.

Ренэ рассказал ему о том, что белые в форте Каролина попали в бедственное положение, так как во время пожара погибли все съестные припасы, заготовленные на зиму. У алачуа много зерна. Если вождь согласится послать в форт двенадцать каноэ, нагруженных маисом, он, Ренэ, отдает ему этот сверток и обещает от имени белого вождя, возглавляющего форт, еще двенадцать таких же свертков в уплату за каждое каноэ с провиантом. Но так как путь не безопасен, то пусть воины алачуа сопровождают эти каноэ. Он обещает, что белые примут их радушно и не будут препятствовать возвращению их на родину.

Вождю предложение показалось заманчивым. Однако он долго размышлял и советовался со старшинами племени, прежде чем дать согласие. Наконец, к великой радости Ренэ, воины начали грузить маис в каноэ. Что касается конвойных, то их нетрудно было набрать. Всем молодым воинам алачуа, не присутствовавшим на празднестве Зрелого Маиса, хотелось побывать в форте белых людей и своими глазами увидеть огромные "гремящие луки", как называли индейцы пушки.

Спустя две недели со дня прибытия в страну Алачуа Ренэ собрался в обратный путь. С ним ехали пятьдесят воинов алачуа под предводительством мужа Нэтлы, Я-чи-ла-не, и друг его Хас-се, которого с большой неохотой отпускал Микко.

Ренэ подружился с приютившими его индейцами, и ему стало грустно, когда он прощался с Нэтлой, со стариком Микко, вождем племени алачуа, и со многими другими, кого вряд ли суждено было ему снова увидеть.

Маленький флот состоял из двадцати каноэ: двенадцать были нагружены зерном, в остальных восьми разместились воины. В ясное прохладное утро каноэ отчалили от берега; в первом сидели Ренэ, Хас-се, Я-чи-ла-не и молодой воин по имени Оликатара (Медвежья Лапа). Индейцы обоих племен толпились на берегу, провожая отъезжающих. Раздавались возгласы:

— Прощай, Та-ла-ло-ко!

— Не забывай нас, Та-ла-ло-ко!

Ренэ прислушивался к возгласам и радовался, что ему посчастливилось завоевать любовь этих людей, которые всегда были добры к нему. Стоя в лодке, он размахивал шляпой, пока они не скрылись за поворотом реки.

Первые дни путешествия пролетели без всяких приключений. Но когда лодки выходили из лабиринта каналов, пересекающих болота, воины заметили следы, которые указывали на то, что совсем недавно здесь прошел какой-то другой отряд, державший путь также на восток. Необходимо было выяснить, что это за отряд. Сначала следы его затерялись, но затем их снова удалось найти. Два воина, посланные отыскивать источник пресной воды, случайно наткнулись на место недавней стоянки. По каким-то едва уловимым признакам они определили, что здесь побывал военный отряд семинолов, и, вернувшись, объявили об этом.

Услышав эту весть, Ренэ встревожился. Он был уверен, что Читта, вступив в ряды семинолов, сообщил новым своим друзьям о том, в каком бедственном положении находится гарнизон форта Каролина. Что, если семинолы этим воспользуются и нападут на форт?

Предположения Ренэ оказались правильными. Читта, смелый Кат-ша и отряд семинолов двинулись на форт Каролина и на один только день опередили воинов алачуа. Они задумали окружить форт, отрезать его от внешнего мира и перебить всех, кто осмелится выйти за крепостную стену; когда же осажденным будет грозить голодная смерть, семинолы легко справятся с измученным гарнизоном.

В окрестностях форта семинолы встретили сильный военный отряд индейцев с юга, которые ждали случая напасть на форт и отомстить белым золотоискателям, разрушившим одну из их деревень. С этими индейцами соединились семинолы, а Кат-ша встал во главе обоих племен.

Первая атака закончилась неудачно, так как дикари испугались грохота пушек. Тогда Кат-ша задумал устроить засаду, в которую попал Симон Оружейник со своим отрядом.

Узнав, что семинолы направляются к форту, и беспокоясь о судьбе своих друзей, Ренэ стал торопить Я-чи-ла-не; он надеялся, что маленькая флотилия догонит врагов. Но и алачуа, не меньше, чем сам Ренэ, хотели дать бой исконным своим врагам — семинолам. Каное уже скользили по реке Май, когда загремели пушечные выстрелы, и французы отбили первую атаку Кат-ши.

Высадившись неподалеку от форта и поручив нескольким воинам охранять каное, алачуа с величайшей осторожностью стали пробираться к форту.

Наконец, показался вдаль высокий холм. Воины остановились и выслали вперед разведчиков. Разведчики вернулись часа через два. Они открыли замысел Кат-ши и донесли, что отряд французов выходит из форта и направляется к холму.

Тогда Я-чи-ла-не дал приказ наступать и первый бросился вперед. За ним по пятам следовали Хас-се и Ренэ. Явились они как раз в тот момент, когда французы, окруженные врагами, думали, что пришел их последний час. Но неожиданное нападение с тыла внесло смятение в ряды семинолов, и они рассеялись, как сухие листья, подхваченные ветром.

ХІІ. ФРАНЦУЗЫ ПОКИДАЮТ ФОРТ

Воины Я-чи-ла-не обратили в бегство семинолов и новых их союзников — индейцев южных племен. Но произошло это только потому, что те были застигнуты врасплох. Я-чи-ла-не совершенно не собирался ссориться со своими соседями из-за белых пришельцев. К тому же семинолов было гораздо больше, чем алачуа, и Я-чи-ла-не опасался, что враги, оправившись от потрясения, вернутся и разобьют маленький отряд. Поэтому ему хотелось поскорее сдать двенадцать каное с провиантом, получить обещанную награду и в ту же ночь отправиться в обратный путь.

Спустились сумерки. Под покровом темноты индейцы вернулись к тому месту, где остались каное, а затем стали подниматься вверх по реке. В окрестностях форта они причалили к берегу, но здесь возникло новое затруднение: они боялись окликнуть часовых. Те могли принять их за врагов, открыть стрельбу и таким образом привлечь внимание семинолов, которые скрывались где-то поблизости.

Пока Я-чи-ла-не совещался с воинами, Хас-се отвел Ренэ в сторону и шепотом сказал:

— Та-ла-ло-ко, настало время, когда я должен открыть тебе тайну. Ты имеешь право знать ее, потому что за меня ты проливал кровь и тебе я отдал священное перо фламинго. Но сначала поклянись, что будешь хранить тайну и не откроешь ее даже своим соплеменникам.

Ренэ охотно исполнил желание друга. Тогда Хас-се продолжил:

— Брат мой, когда мои соплеменники помогали твоему народу строить этот форт, они провели по приказу Микко под-

Долго прощался Ренэ со своим другом, думая, что никогда больше его не увидит. Одно за другим отчаливали каноэ. Бесшумно скользили они по воде, и вскоре их поглотил ночной туман, серой завесой спустившийся над рекой. Когда они скрылись из виду, Ренэ ушел в свою комнату, бросился, не раздеваясь, на кровать и мгновенно заснул.

Ярко светило солнце, когда он проснулся. Долго осматривал он с недоумением комнату и не мог сообразить, где находится. Наконец, он припомнил все, что произошло накануне, быстро встал, позавтракал и побежал к коменданту.

Лодоньер чувствовал себя значительно лучше и мог, наконец, встать с постели. Он сидел у окна и с величайшим нетерпением ждал Ренэ. Когда мальчик вошел в комнату, лицо старика осветилось улыбкой.

Долго расспрашивал он его о чудесном путешествии в неведомую страну и затем сказал:

— Ренэ, я не буду тебя бранить за то, что ты самовольно отлучился из форта. Ты вел себя как мужчина, и, к счастью, путешествие твое закончилось благополучно.

Ренэ, ждавший сурового выговора, рад был, что так дешево отделался. Очень огорчило его известие о том, что гарнизон намерен покинуть форт. Отыскав Симона Оружейника, он завел с ним серьезный разговор и долго убеждал остаться в форте Каролина, но старик был непреклонен.

— Поздно говорить об этом, Ренэ, — проворчал он. — Судно наше уже готово, и остается только спустить его на воду. А теперь благодаря тебе есть у нас и провизия на дорогу. Все мы твердо решили покинуть эту страну голода и болезней и сделать попытку добраться до Франции. Мы не смеем нос высунуть из форта — в лесу прячутся краснокожие, которые нас ненавидят за то, что наши солдаты сожгли их деревушку. Здесь мы погибнем, словно крысы в ловушке. Нечего делать, мальчуган, готовься к отъезду!

Начались сборы. Ренэ помогал Лодоньеру укладывать вещи и упаковывать бумаги, которые следовало отвезти во Францию.

Новый корабль — маленькое жалкое суденышко — был спущен на воду через две недели после возвращения Ренэ, и солдаты перенесли на борт провиант. Работа кипела, и еще через неделю из форта Каролина вынесено было все, за исключением тяжелых пушек, которые пришлось оставить.

Назначили день отъезда. В ясное теплое утро, как только вошло солнце, гарнизон вступил на борт корабля. Лодоньера, который

из деревянных балок. Но он был так взволнован, что не обратил внимания, на боль. Прикрыв куском коры вход в тоннель, он выполз из-под дома.

Глубокая тишина нависла над фортом, потушены были все огни, и только в доме коменданта одно окно было освещено, и свет просачивался сквозь щели ставня. Обычно перед домом коменданта ночью стояли караульные; сейчас их не было, и Ренэ очень удивился: он не знал, что голод и болезни вывели из строя чуть ли не половину гарнизона, и караул оставлен был только у ворот форта.

Подойдя к освещенному окну, мальчик осторожно постучал в ставень. Стучать ему пришлось довольно долго. Наконец, пос-

лышался хорошо знакомый голос его старого учителя, художника Ле Муана.

— Эй, кто там? Что нужно?

Ренэ ничего не ответил и постучал снова. Тогда свет в комнате погас, ставень приоткрылся, и Ле Муан дрожащим голосом спросил:

— Кто здесь?

— Шш... Это я, Ренэ Дево, — шепотом ответил мальчик. — Не спрашивайте меня ни о чем и поскорее впустите. Я принес важную весть и должен немедленно повидать коменданта форта.

Ле Муан сразу узнал голос своего ученика, которого он считал уже умершим. Быстро распахнул он ставни, помог мальчику влезть в окно и крепко его обнял. Потом, не задавая никаких вопросов, сказал:

— Комендант был тяжело болен, и сейчас он еще очень слаб. Но если ты принес важные вести, я немедленно извещу его о твоём приходе. Мой мальчик, мы думали, что ты погиб.

И, шлепая ночными туфлями, художник направился к комнате Лодоньера, а Ренэ последовал за ним и спрятался за дверью.

— Шевалье, — начал Ле Муан, — я принес тебе весточку от мертвого.

— Ах, ты всегда был мечтателем! — резко оборвал его больной.

— Нет, я действительно принес тебе весть от человека, которого все мы оплакивали, как мертвого. Я его видел и говорил с ним.

— Ле Муан! — воскликнул шевалье, приподнимаясь с постели. — Ты говоришь о Ренэ? Неужели он вернулся? Где же он? Почему не идет ко мне?

— Он здесь! — раздался веселый голос.

Ренэ вбежал в комнату и бросился к постели старика. Вкратце рассказал он ему о своём путешествии в страну Алачуа, сообщил о том, что вернулся с двенадцатью каноэ, нагруженными маисом, и за каждое каноэ обещал дать индейцам сверток с топорами, ножами, зеркальцами, бусами и разными безделушками.

— Это обещание, — продолжал Ренэ, — я дал им от вашего имени и поклялся, что здесь их никто не обидит. Этой же ночью они хотят плыть назад, а сейчас они меня ждут у реки.

— К несчастью, я не могу сдержать слово, которое ты дал от моего имени, — сказал Лодоньер. — Теперь я уже не комендант форта. Вскоре после твоего ухода в форте Каролина вспыхнул мятеж. Гарнизон настаивает на возвращении во Францию, а во главе мятежников стоит старый твой Друг Симон Оружейник. Власть перешла к нему, его поддерживают и солдаты и офицеры гарнизона. Ступай и поговори с ним. Я уверен, что он исполнит обещание, которое ты дал индейцам. Все мы голодаем, и Симон пойдет на любые условия, только бы получить провиант.

Не теряя времени, Ренэ побежал отыскивать Симона Оружейника. Неожиданное его появление так испугало старого солдата, что он долго не мог выговорить ни слова. Наконец, Ренэ удалось убедить старика, что тот имеет дело не с призраком. На вопрос Симона, как он проник в форт, мальчик ответил уклончиво, а затем рассказал ему о своих приключениях и о разговоре с комендантом.

— Видишь ли, дружок, — сказал Симон, узнав о провианте, доставленном индейцами, — в сущности никакого мятежа в форте не было. Все мы готовы повиноваться шевалье Лодоньеру, если только он согласится увезти нас из этой проклятой страны. И сейчас я исполню его желание. Он хочет, чтобы мы приняли провиант и выдали индейцам награду, которую ты им обещал от имени коменданта форта? Ну, что ж? Так мы и сделаем. В форте почти не осталось съестных припасов. Но можешь ли ты поручиться, что твои друзья не завладеют фортом, не перережут всех нас, когда мы распахнем перед ними ворота?

— Конечно, могу! — с негодованием воскликнул Ренэ. — Всего несколько часов назад они дрались за тебя там, у холма, когда ты был окружен семинолами. Не подоспей они на помощь, тебе не удалось бы вернуться в форт целым и невредимым. Какой же им смысл убивать тебя теперь?

— Как! Что ты говоришь? Неужели это они пришли нам на выручку, когда мы попали в засаду? Ну, мальчуган, можешь быть спокоен! Я не обижу твоих друзей, я им обязан жизнью.

И с этими словами Симон направился к воротам форта, выходящим к реке. Вслед за ним двинулся и патруль. На берегу ждали их, как было условлено, Хас-се, Я-чи-ла-не и другие индейцы. Велика была радость Симона и, солдат, когда они увидели двенадцать каноэ, нагруженных зерном! Прибыли каноэ как раз вовремя, чтобы спасти гарнизон от голодной смерти.

Солдаты под руководством Симона стали переносить зерно в кладовую, а Ренэ с помощью Ле Муана отобрал десятки ножей, топоров и других вещей и приготовил двенадцать пакетов. Не забыл он и храброго Я-чи-ла-не, которому подарил несколько топоров и ножей, и еще два свертка вручил Хас-се — один для него, другой для сестры его Нэтлы.

Молодых воинов алачуа Ренэ повел в форт и показал им при свете фонарей "гремящие луки", как называли индейцы пушки.

Полночь уже миновала, когда индейцы собрались в обратный путь.

век, и привезли они с собой много провианта, амуниции, орудий и всевозможных инструментов, необходимых для постройки новых фортов.

Новые колонисты были разочарованы, увидев в каком жалком состоянии находится форт Каролина. Туземцы, бродившие за стенами крепости, обратились в бегство, как только завидели белых. Больше всех радовался возвращению в форт Ренэ.

"Скоро придет сюда племя вождя Микко, — думал он. — Снова я увижу Хас-се, и вместе мы будем ходить на охоту. А когда-нибудь я уговорю его поехать со мной во Францию".

Закипела работа по восстановлению и оборудованию форта. Но горсточке гугенотов, заброшенных в чужую страну, грозила серьезная опасность. Филипп II, король Испании, отправил в Новый Свет три тысячи солдат и флотилию из тридцати четырех судов, которой командовал дон Педро Менендес. Ему приказано было завладеть страной, называвшейся в то время Флоридой и простиравшейся на север до английского поселения в Виргинии. Он должен был построить форт и основать город, но прежде всего отыскать и стереть с лица земли колонию еретиков, которые, по слухам, обосновались на этой территории.

Вскоре после прибытия Рибо испанский флот подошел к побережью. Однажды под вечер испанцы, державшие курс на север, увидели французские суда, стоявшие на якоре около устья реки Май. В полночь испанские суда также бросили якорь неподалеку от французской флотилии, и с флагманского судна испанцев "Сан Палайо" донесли звуки трубы, а с "Троицы" немедленно ответили на сигнал. Начались переговоры. Стоя на палубе своего судна, Менендес с преувеличенной вежливостью осведомился:

— Господа, откуда прибыла эта флотилия?

— Из Франции, — последовал ответ.

— Что привело вас сюда?

— Мы привезли людей и запасы провианта в форт, основанный в этой стране по повелению короля Франции.

— Кто вы — католики или еретики?

— Мы гугеноты. А вы кто такой и почему задаете нам столько вопросов?

— Я адмирал, дон Педро Менендес. Суда эти принадлежат испанскому королю дону Филиппу II, а сюда я прислан, чтобы истребить всех еретиков, какие встретятся мне на суше или на море. Когда рассветет, я возьму в плен все ваши суда, и ни один еретик не дождется от меня пощады.

еще не оправился от болезни, перенесли на руках. Попутный ветер надул паруса, и неудачные завоеватели новых земель покинули форт, построенный всего несколько месяцев назад. Думали они и надеялись никогда сюда не возвращаться, и даже плавание на утлом суденышке казалось им менее опасным, чем жизнь в этой стране, которую они с такой радостью покидали.

В тот день французы спустились к устью реки и увидели, что на море шторм. Опасно было пересекать мелководье и выходить в открытое море. После недолгих переговоров путешественники решили бросить якорь в устье реки и ждать, когда утихнет ветер.

ХІІІ. ПРИБЫТИЕ ЖАНА РИБО

Огромные валы набегали на отмели и с грохотом разбивались о камни. Застигнутые штормом беглецы из форта Каролина застряли в устье реки и занялись починкой суденышка, пытаясь сделать его более пригодным для плавания. Швы, законопаченные мхом, уже разошлись, судно дало течь, и приходилось непрерывно выкачивать воду.

Лодоньер почти не надеялся на то, что путешествие окончится благополучно, и не скрывал своих опасений от Ле Муана и Ренэ.

В устье реки путешественники провели несколько дней. Наконец, волны улеглись; французы, пользуясь попутным ветром, провели корабль через мелководье и смело вышли в открытое море. Им и в голову не приходило, что путешествию их суждено скоро окончиться.

Земля осталась далеко за бортом, и темная полоса на западе напоминала гряду облаков. Вдруг на палубе раздался крик:

— Впереди парус!

Все впились глазами в маленькое белое пятнышко, показавшееся на юге. Одни утверждали, что это корабль адмирала Рибо, явившегося, наконец, на помощь колонистам; другие высказывали опасение, не испанское ли это судно. В случае, если бы последнее предположение оказалось правильным, французам грозила бы смерть, так как католики-испанцы не щадили гугенотов-французов.

Напряженно следили они за парусом и вскоре увидели второй, третий и, наконец, целую флотилию, нагонявшую их суденышко, которое едва держалось на воде и продвигалось со скоростью черепахи. О бегстве нечего было и думать; оставалось только надеяться, что показавшиеся на горизонте суда принадлежат друзьям, а не врагам.

Вынесли на палубу койку Лодоньера. Оснастка судов убедила его в том, что флотилия не может быть французская.

Но через несколько минут уныние сменилось бурной радостью: на грот-мачте первого корабля развевался не желтый испанский флаг, а кроваво-красный — английский. Раздались восторженные крики; солдаты поспешили поднять французский флаг с лилией, а с английского корабля немедленно дан был салют. Затем суда легли в дрейф на расстоянии полукилометра от французов.

Флотилией командовал сэр Джон Гаукинс, старый морской волк. Совершив рейс к берегам Испании и Вест-Индии, он возвращался на родину. Он захватил много испанских судов, нагруженных золотом и серебром, которое испанцы награбили в Мексике и Перу. Узнав об опасном положении, в которое попали французы, он предложил им вместо их жалкого суденышка один из своих кораблей. Мало того, так как у французов было очень мало провизии, он снабдил их провиантом на несколько месяцев.

Затем английская флотилия, дав прощальный салют из пушек, продолжала путь, а французы снова повернули к устью реки Май, где предполагали перенести свое имущество на прочный корабль, полученный от англичан. К заходу солнца они вернулись на то самое место, которое покинули утром.

Получив корабль и запас провианта, Лодоньер сделал последнюю попытку остаться в Новом Свете. Долго убеждал он колонистов вернуться в форт Каролина и там терпеливо ждать приезда Жана Рибо. Но эта попытка ни к чему не привела, все были против него, все — за исключением, пожалуй, одного только Ренэ, которому не хотелось покидать Новый Свет.

Мнение всех остальных высказал Симон Оружейник:

— Зачем нам, простым людям, оставаться в чужой стране и сражаться с индейцами, которые, вероятно, уже завладели фортом? Да если бы и удалось их оттуда выгнать, что нам там делать? Запасы провизии быстро истощатся, и мы снова очутимся в ловушке.

Лодоньеру ничего не оставалось делать, как подчиниться воле большинства. Началась переноска вещей с одного корабля на другой. Когда все было готово к отплытию, снова поднялась буря, и в течение недели путь к морю преграждали огромные валы, увенчанные пенистыми гребнями.

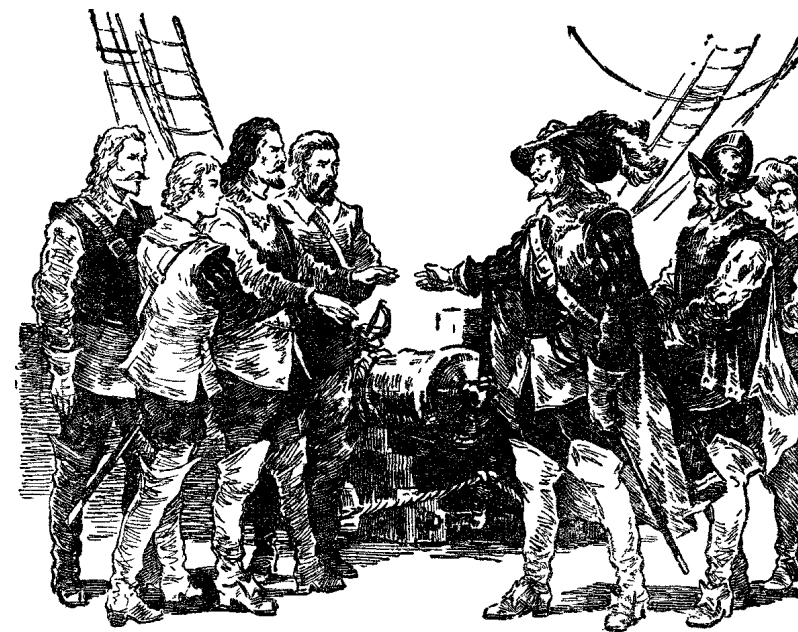
Эта томительная отсрочка была очень тяжела для всех колонистов. Наконец, ветер стал стихать, а под вечер показалась на горизонте флотилия, направлявшаяся к суше. Ночь прошла тре-

возно. Чьи это были суда — французские, английские или испанские? Вопрос остался неразрешенным до утра.

Когда взойшло солнце, колонисты увидели семь кораблей, стоявших на якорях за мелкоководьем. В воздухе плескались французские флаги.

Салютовали из пушек, и корабль вышел из устья реки навстречу вновь прибывшим. Действительно, это был Жан Рибо, явившийся на помощь маленькой колонии. На борту флагманского судна "Троица" произошла встреча адмирала с лейтенантом Лодоньером, которого поддерживали под руки Ле Муан и Ренэ.

Намерение колонистов покинуть форт привело Рибо в негодование, но узнав о бедственном положении гарнизона маленькой крепости, он сменил гнев на милость.

Почти все корабли адмирала Рибо глубоко сидели в воде, и только один из них мог пересечь мелководье и подняться к верховьям реки. На этом-то судне, а также на корабле, полученном от англичан, в форт Каролина стали перевозить новых колонистов и запасы провианта. Перевозка продолжалась несколько дней, так как вновь прибывших колонистов было около трехсот чело-

сился на постель, даже не сняв мокрой одежды, и заснул крепким сном.

Часовой, сменивший Ренэ, недолго стоял на своем посту. Не сомневаясь в том, что ни малейшая опасность форту не угрожает, он присел у подножия стены и, защищенный от ветра, скоро задремал.

Между тем испанцы уже собрались у ворот крепости и ждали только сигнала, чтобы перейти в атаку. Сигнал был дан. Ренэ разбудили дикие вопли, глухие удары, треск ломающихся досок и ликующие возгласы врагов, ворвавшихся в задние ворота.

Ренэ вскочил, бросился к двери и в ужасе остановился на пороге. Языки пламени простирались к небу, пылали палатки и бараки, метались полуодетые мужчины и женщины, пытавшиеся бежать от испанцев. Но всюду путь им преграждали длинные пики, сверкающие мечи и острые кинжалы. Вопли и стоны умирающих сливались с воем ветра.

Страхнув с себя оцепенение, Ренэ вспомнил о больном Лодоньере и бросился к дому коменданта, куда еще не пробрались испанцы. Лодоньер, бледный, дрожащий от лихорадки, стоял посреди комнат, а Ле Муан помогал ему надевать латы.

Задышавшись от волнения, Ренэ крикнул, что времени терять нельзя и нет надежды спасти обреченный на гибель форт.

— Все кончено! — воскликнул он. — Если вам дорога жизнь, следуйте за мной! Я — я один могу вывести вас из форта!

Только в эту минуту вспомнил Ренэ о подземном ходе.

Ле Муан и Лодоньер молча последовали за ним и с удивлением увидели, что мальчик ведет их к каменным сваям, на которых построен дом. Не успели они скрыться под домом, как в жилище коменданта уже ворвались испанские солдаты и стали обыскивать дом.

Но их ждала неудача. В то время как они обыскивали его комнату и шарили во всех углах, Лодоньер уже спустился в узкий тоннель, который проходил под стеной крепости и кончался у реки. О существовании этого подземного хода комендант не имел ни малейшего представления и, выйдя на берег реки, засыпал Ренэ вопросами:

— Что это за тоннель? Кто его прорыл? Как ты узнал о нем?

Но Ренэ не нарушил клятвы, данной другу.

— Прошу вас, шевадье, не будем говорить об этом сейчас. Подумаем лучше о том, как нам спастись, а когда-нибудь я вам расскажу о подземном ходе. Времени терять нельзя. Постарай-

Рибо и солдаты отвечали испанцу насмешками, советуя не ждать рассвета и немедленно привести угрозу в исполнение. Испанский адмирал принял вызов и приказал своим капитанам разрубить якорные канаты и готовиться к атаке. Был он до такой степени взбешен, что метался по палубе, словно одержимый. Через несколько минут вся испанская флотилия направилась к шести французским судам.

Но французы не дремали: они также перерезали якорные канаты, подняли паруса и пустились наутек. Всю ночь преследовали их испанцы, но под покровом ночи Рибо далеко увел свои суда, а к утру преследователи отказались от погони и повернули к устью реки Май, намереваясь напасть на форт Каролина.

Лодоньер был предупрежден Жаном Рибо о приближении испанской флотилии. Всех своих солдат он послал к устью реки и приказал поставить на берегу пушки. Здесь думал он дать бой испанцам и препятствовать дальнейшему их продвижению. Два корабля стояли на якоре в устье реки, а дула орудий обращены были к открытому морю.

Увидев эти приготовления, Менендес счел неблагодарным высаживать здесь войска или проводить суда через мелководье. Поэтому он приказал держать курс на юг, к реке Дельфинов.

Небольшие суда вошли в устье реки и легли на якорь как раз перед индейской деревушкой Селой, где несколько месяцев назад Ренэ Дево получил прозвище Та-ла-ло-ко.

Здесь Менендес решил построить форт и основать город, который, как надеялся он, будет столицей могущественного королевства. Отсюда думал он повести войско против гугенотов в форте Каролина. На следующий день он торжественно высадился на берег и всю страну объявил владениями короля Испании. Загремели пушечные выстрелы на борту судов, бросивших якорь против деревушки, далеким гулом отозвались корабли, стоявшие на рейде. В то же время раздались звуки труб и ликующие возгласы солдат, а католические патеры, сопровождавшие Менендеса, затянули хвалебный гимн. По их приказу великолепный олень, возвышавшийся на шесте в центре индейской деревушки, был сброшен, а вместо него водружен крест.

Возмущенные поступками чужестранцев, испуганные пушечными выстрелами, индейцы не знали, что делать, куда бежать. Многие были убиты по приказу Менендеса, других заставили работать наравне с неграми-рабами, привезенными из Вест-Индии. Вообще испанцы сразу открыли все свои карты — завоева-

телей и колонизаторов, в отличие от гугенотов-французов, которые сами были изгнанниками и пытались, хотя бы сначала, вести более примирительную политику.

Расправившись таким образом с туземцами, Менендес заявил, что новый город, основанный на развалинах мирной деревушки Селой, будет называться городом Сан-Августин. Это название осталось за ним и по сей день, а реку Дельфинов Менендес переименовал в реку Сан-Августин.

Когда вождь деревушки Селой понял, что белые люди не задумаются стереть деревню с лица земли, он попытался было протестовать, но никто не обратил на него внимания. Протест против желания белых — это верная смерть, и вождь с горсточкой воинов бежал к Лодоньеру в форт Каролина, куда и явился на следующий день.

Со времени атаки семинолов гарнизон крепости подозрительно относился ко всем индейцам. Караульные хотели прогнать старого вождя, но, к счастью, подоспел Ренэ, который узнал старика и убедил солдат открыть ворота. Выслушав рассказ беглецов, мальчик повел индейцев к Лодоньеру, все еще прикованному к постели.

Бедный старик рассказал коменданту о своих злоключениях и просил у него помощи, чтобы прогнать белых, завладевших деревушкой. Лодоньер обещал сделать все, что было в его силах, и немедленно послал гонца к адмиралу Рибо, который уже вернулся со своими судами к устью реки.

В ответ получен был приказ всем мужчинам форта Каролина, носившим оружие, явиться к адмиралу. Рибо хотел плыть на юг и напасть на испанцев, прежде чем те успеют возвести укрепления и прочно обосноваться на захваченной территории.

В форте поднялась суматоха. Мужчины чистили ружья и готовились к походу, плакали женщины и дети, приехавшие с новыми колонистами, заливались лаем собаки.

Ренэ Дево очень хотел присоединиться к отряду, но Лодоньер не стал об этом и слушать, заявив, что приказ относится к мужчинам, а не к мальчикам. Когда ушли солдаты, в форте остались только старики, больные, женщины и дети. Среди оставшихся, кроме Ренэ и больного Лодоньера, были художник Ле Муан и Симон Оружейник, которого поставили во главе караульных.

XIV. БЕЛЫЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ

Когда Менендес со своими солдатами высадился на сушу, крупные корабли, которые не могли войти в реку, отплыли обратно в Испанию, а в распоряжении Менендеса осталось всего лишь несколько маленьких судов. Таким образом, все, казалось, благоприятствовало замыслу адмирала Рибо; со своими шестью кораблями и солдатами он решил атаковать новый, еще не укрепленный город.

Когда он прибыл к устью реки, начался отлив, и флотилия остановилась в открытом море. Испанцы увидели ее с берега. Началась паника. Но вдруг картина резко изменилась: с северо-востока подул ветер, перешедший в бурю, море покрылось гигантскими валами. Белые, посещавшие это побережье, никогда еще не видывали здесь такого шторма. Тщетно боролись французские суда с разбушевавшейся стихией, и, наконец, испанцы, к великой своей радости, увидели, что ветер гонит беспомощные корабли к югу, быть может, навстречу гибели.

Тогда, не обращая внимания на страшную бурю, Менендес решил с берега ударить по форту Каролина, оставшемуся без гарнизона. С отрядом в пятьсот человек он три дня пробирался под дождем и ветром по затопленным болотам и зарослям. Несколько индейцев из деревни Селой заставил он служить проводниками, но затем приказал их убить, думая, что они умышленно хотят его завести в болота. К вечеру третьего дня испанцы вышли к реке Май и стали спускаться к низовьям; наконец, показались в темноте мерцающие огоньки форта Каролина.

Тем временем оставшиеся в форте с тревогой прислушивались к вою ветра и думали о судьбе кораблей адмирала Рибо. Многие опасались, не погибла ли вся флотилия.

Ренэ Дево вместе со стариками и инвалидами нес службу караульного под начальством Симона Оружейника. С самострелом на плече шагал он в темноте, под проливным дождем вдоль стены форта. Он гордился тем, что исполняет обязанности настоящего солдата, и никто не услышал от него ни одной жалобы. Но другие караульные открыто роптали, и в глубине души Ренэ был с ними согласен. Все знали, что испанцы и краснокожие ушли, а следовательно, бессмысленно было нести караульную службу в эти ненастные ночи. На четвертую ночь Ренэ сменили под утро, после того как он два часа простоял на карауле у ворот под холодным пронизывающим дождем. Измученный, вернулся он в свою комнату, бро-

Приказав семинолам идти прямо к каноэ, Кат-ша вместе с Читтой стал взбираться на утес, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Поднявшись на вершину, услышали они стоны Ренэ и подкрались к тому месту, где он лежал. Через минуту Ренэ проснулся и попытался вскочить. Попытка не удалась: руки и ноги его были связаны.

XV. РЕНЭ У ВРАГОВ

Неудивительно, что Ренэ испугался, когда встретился глазами с Читтой, который улыбался злобно и насмешливо. Переведя взгляд на его спутника, мальчик узнал Кат-шу и понял, что от этих двух семинолов ему не ждать пощады. Читта мечтал о мести: наконец-то попал в его руки тот, кто был виновником его поражения во время праздника Зрелого Маиса! Кат-ша также видел в нем врага: он знал, что Ренэ был в числе тех, кто напал на него с тыла, когда шел, бой под стенами форта.

Ослабив путы на ногах пленника, они повели его к подножию утеса, где собрались остальные семинолы. С любопытством осмотрев мальчика, они отняли у него оружие, снова стянули ремнем ему ноги и бросили его в каноэ. Хотя Ренэ и успел

тесь пробраться вместе с господином Ле Муаном к устью реки; там вас ждут два корабля, оставленные адмиралом Рибо. А я вернусь еще раз в форт и постараюсь вывести несчастных, оставшихся в крепости. Быть может, мне удастся кого-нибудь спасти. Потом я догоню вас — вы так ослабли от лихорадки, что не можете быстро идти.

Когда они ушли, Ренэ снова спустился в тоннель и вылез под домом коменданта. Притаившись за свай, он стал прислушиваться. Вдруг где-то неподалеку раздались заглушенные стоны и проклятья. Ренэ пополз в ту сторону, откуда доносились звуки, и тихо спросил:

— Кто здесь?

В ответ раздался шепот:

— Ну, мальчуган, песенка наша спета. Я твой старый Друг Симон. Я тяжело ранен, и нет у меня надежды спастись. Когда рассветет, испанцы нас найдут и прикончат.

— Рано еще говорить о смерти, Симон, — прошептал Ренэ. — Если ты можешь ходить или хотя бы ползать, я постараюсь тебя спасти. Куда ты ранен?

— Все тело у меня болит, но ноги, кажется, целы. Если ты знаешь, как нам отсюда выбраться, веди меня, я за тобой пойду. И не мешкай, потому что здесь нам несдобровать.

Прячась за сваями, Ренэ повел Симона ко входу в тоннель, Охая и кряхтя старик пролез в узкую дыру и вскоре очутился на берегу реки. Ренэ послал его догонять Лодоньера и Ле Муана, а сам снова вернулся в форт. Как и в первый раз, он притаился между свай и стал ждать, надеясь, что случай поможет ему спасти еще кого-нибудь из оставшихся в форте.

С тоской прислушивался он к голосам испанцев, которые бродили по крепости, заглядывая во все углы, где могли спрятаться французы. Внезапно вспыхнуло соседнее строение, и Ренэ, опасаясь быть замеченным, отступил за сваю.

Вдруг раздались громкие крики. Его увидели. Размахивая пиками, бежали к нему два испанских солдата.

Мальчик не растерялся. Он побежал, но не к тоннелю, а прямо к дверям дома. Ворвавшись в дом, он стремглав помчался по темному коридору и выпрыгнул в открытое окно в дальнем его конце. И как раз в эту минуту ворвались в дом его преследователи и начали обыскивать комнаты, громко призывая на помощь своих товарищей.

Выскочив из окна, Ренэ благополучно добрался до подземного хода и старательно прикрыл отверстие куском коры.

В то время, как он пробирался, словно крот, под землей, сбитые с толку испанцы метались по всем комнатам. На их глазах он вошел в дом, но никто не видел, как он оттуда вышел.

Наконец, они пришли к тому заключению, что в доме есть потайная комната, и этой комнаты им не найти. Тогда по приказу Менендеса они подожгли дом, думая, что сжигают вместе с ним скрывшегося врага. Одно показалось им странным: когда пламя охватило дом, они не услышали ни воплей, ни стонов. После долгих размышлений сделали они такой любопытный вывод: гугенотов так часто сжигали на кострах, что все они привыкли переносить боль и умирать в молчании!

Дойдя до конца тоннеля, Ренэ осторожно высунул голову. Никого поблизости не было. Тогда он прикрыл куском коры вход в тоннель и, крадучись, стал спускаться к берегу. Было уже совсем светло, и мальчик боялся, как бы его не заметили из форта. Спустившись к самой реке, он пробирался то ползком, то по поясу в воде.

Прошло несколько часов. Он так устал, что с трудом переводил дыхание. Наконец, вскарабкался на вершину утеса, откуда видны были окрестности. Оглянувшись, он увидел желтый испанский флаг, развевавшийся над фортом Каролина.

В устье реки стояли на якоре два маленьких судна — единственные, уцелевшие из всей флотилии, как думал Ренэ. Очень хотелось ему поскорее до них добраться, но ноги отказались ему служить. Он растянулся на влажной траве и решил хоть часок поспать, а затем продолжать путь.

Во сне он метался и стонал — его преследовали кошмары. Прошло около получаса. Вдруг на опушке леса показалась группа индейцев, направлявшихся прямо к утесу. Это был отряд воинов семинолов, которых вел сильный Кат-ша. Рядом с ним шел Читта, а позади три пленника. Из них двое были французы, а третий юноша-индеец, бежавший со своим вождем из деревушки Селой и искавший защиты в форте. Когда испанцы ворвались в форт, эти трое прыгнули с крепостной стены в ров и благополучно добрались до леса.

Здесь попали они в руки семинолов, которые не покинули этой страны, как думали французы, а спрятались в лесу и караулили, не выйдет ли кто-нибудь из форта. Один отряд семинолов уже отправился в обратный путь, в лесу оставалась только горсточка индейцев с Кат-ши во главе. Судьба столкнула их с тремя беглецами, и теперь они вели своих пленников к каноэ, которые были спрятаны у подножия утеса.

по сторонам, он узнал устье той самой лагуны, где несколько месяцев назад смачивал холодной водой больную руку и ждал возвращения Хас-се, отправившегося на разведку.

Слезы выступили у него на глазах, когда он вспомнил эти счастливые дни. Но мальчик поспешил смахнуть слезы, а ласковый взгляд Э-чи вернул ему надежду. Издали видал он двух других пленников, но поговорить с ними ему не удалось. Эти двое были из числа новых колонистов, приехавших на кораблях адмирала Рибо. Когда по приказу Рибо все солдаты покинули форт, Лодоньер разрешил им остаться, так как оба страдали от приступов лихорадки.

Вытащив каноэ на сушу и спрятав их в кустах, семинолы вошли в тень кипарисов и гуськом зашагали по узенькой тропинке, кое-где залитой водой. Достаточно было одного неверного шага, чтобы увязнуть в болоте и захлебнуться жидкой грязью.

Ренэ заметил то место, где от тропинки, по которой они шли, ответвлялась другая, которую когда-то показал ему Хас-се. Он надеялся, что Э-чи также ее заметил.

Были уже сумерки, когда они добрались до деревни семинолов. Население радостно встретило воинов и с любопытством рассматривало пленников, в особенности Ренэ, о котором слыхали все. Семинолы считали его самой ценной добычей.

Деревня семинолов занимала островок, или, вернее, холм, возвышавшийся среди болот. Деревушка состояла из сотни хижин, а по склонам холма тянулись маисовые поля и огороды, засаженные тыквами. Из пятисот человек населения двести были воинами.

Непроходимые болота окружали остров со всех сторон, и добраться до него можно было только по той самой узкой тропинке, по которой воины привели в деревню Ренэ. Там, где оканчивалась тропинка, день и ночь стоял на страже воин-семинол; не было, следовательно, возможности напасть на островок и застигнуть врасплох жителей деревушки. Не могло быть речи также и о побеге.

В ту самую ночь, когда Кат-ша со своими пленниками вернулся в деревушку, воин, охранявший тропинку, услышал дикое заунывное пение, которое доносилось из густых зарослей.

Затем раздался громкий крик и слова:

— Э-чи из деревни Селой ненавидит семинолов и возвращается к своему народу!

Караульный побежал к тому месту, откуда доносился голос. Вдруг он услышал плеск воды; затем все стихло. Он обыскал заросли,

заметить двух пленников-французов, но заговорить с ними ему не позволили.

Когда все успокоилось, семинолы дали Ренэ есть и пить. Сначала Ренэ думал было отказаться от пищи и уморить себя голодом, но потом решил, что такой поступок граничит с трусостью.

"Нужно беречь силы, — думал он. — Я попытаюсь убежать, если представится удобный случай". И он с аппетитом съел все, что ему дали.

Приняв решение бежать, он почувствовал себя гораздо спокойнее и, вытянувшись на дне лодки, попробовал заснуть. Вскоре индейцы, к великому своему изумлению, увидели, что их новый пленник спит сладким сном.

Пока было светло, семинолы не трогались в путь, но как только стемнело, они отчалили от берега и поплыли вниз по течению реки, направляясь к великим болотам Окифеноки.

Час спустя какие-то тени скользнули по воде мимо двух французских кораблей, которые все еще находились в устье реки. Это были каноэ семинолов. Никто их не окликнул, никто их не заметил, а через несколько минут они свернули в канал, который вел к солончаковым болотам.

Ренэ так никогда и не узнал, что он находился в нескольких шагах от Лодоньера, с тревогой его поджидавшего.

Лежа на дне каноэ, из которого его вытаскивали, когда индейцы раскидывали лагерь, Ренэ понятия не имел о том, куда его везут. Ему и в голову не приходило, что сейчас он совершает то же путешествие, какое несколько месяцев назад совершил вместе с Хас-се. С пленниками-французами ему не позволили общаться; он их даже не видел, так как они плыли в других каноэ, а на ночь всех троих привязывали к деревьям на значительном расстоянии друг от друга.

Дни проходили за днями. Ренэ внимательно всматривался в лица окружавших его индейцев, но только один из них, казалось, относился к нему сочувственно. Он был очень молод — почти мальчик, и бедный Ренэ думал, что этим и объясняется его сочувствие. В действительности же это был тот самый молодой индеец, который бежал из деревушки Селой в форт Каролина и попал в плен к семинолам.

Завладев вместо двух тремя пленниками-французами, Кат-ша, нуждавшийся в рекрутах, предложил освободить юношу, если он согласен — стать семинолом и войти в его отряд. Молодой индеец, которого звали Э-чи, Олень, притворился, будто на все согласен, но твердо решил бежать при первой же возможности.

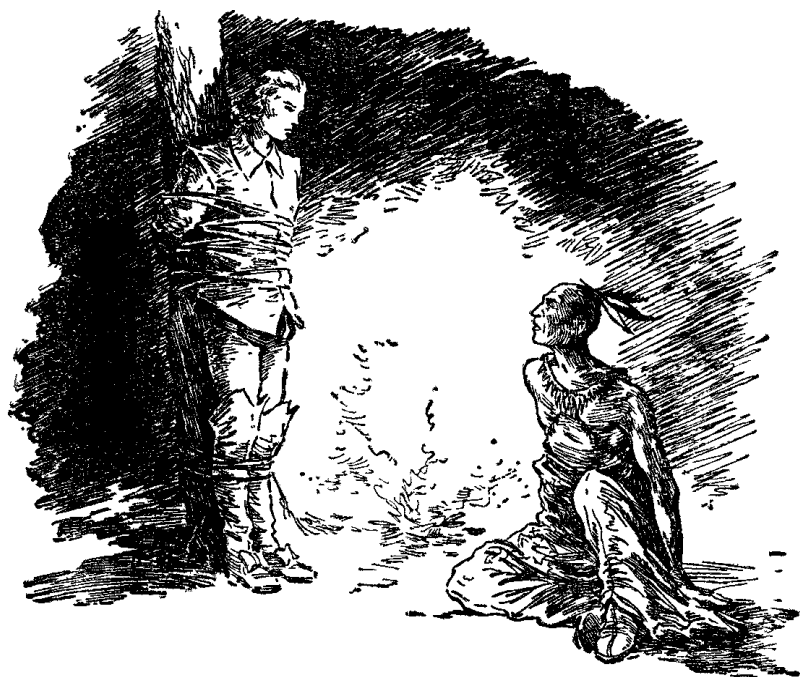
Ренэ он узнал сразу, но постарался это скрыть и рад был, что мальчик его не узнает. Когда не было поблизости семинолов, Э-чи с состраданием посматривал на пленника, но заботился о том, чтобы не навлечь на себя подозрений. Иногда по ночам ему поручали сторожить пленных, и он умышленно обращался с ними грубо, хотя с нетерпением ждал случая заговорить с Ренэ.

Наконец, случай представился. Семинолы плыли среди великих болот, и даже Ренэ, лежавший на дне лодки, начал догадываться, где они находятся. Как-то в темную ночь Э-чи приказали сторожить пленных. Пока не ушел караульный, которого он сменил, Э-чи угостил каждого из трех пленников пинком, чтобы показать семинолу, как он их ненавидит.

Когда же замерли шаги караульного, Э-чи подошел к тому месту, где лежал привязанный к дереву Ренэ, и, сев подле него, шепнул:

— Та-ла-ло-ко...

Ренэ дремал, но, услышав сквозь сон свое имя, тотчас же проснулся и стал прислушиваться. Через секунду снова раздался шепот:

— Та-ла-ло-ко...

— Кто ты? — спросил Ренэ на языке индейцев.

— Я Э-чи, из деревушки Селой. Я тебя видел в тот день, когда ты приехал в нашу страну. Разве ты меня не помнишь?

— Но ведь ты, Э-чи, семинол?

— Я не семинол, а такой же пленник, как и ты. Я жду только случая бежать. Хочется мне вернуться к родному народу, но, быть может, все мои соплеменники убиты, — добавил он печально.

У Ренэ вспыхнула надежда на спасение.

— Как ты думаешь, тебе удастся бежать? — спросил он.

— Не знаю, но попытаюсь.

Ренэ стал его расспрашивать, где они находятся и каковы планы Кат-ши. Оказалось, что догадка его правильна. Нашлись они среди болот Окифеноки, а на следующий день должны были оставить каноэ и пешком продолжать путь по тропе, которая вела к деревне семинолов.

Тогда Ренэ рассказал Э-чи о стране Алачуа и объяснил, как туда добраться.

— Э-чи, — сказал он, — у меня связаны руки, и я не могу пошевелиться. Засунь руку мне за пазуху и достань перо, к которому прикреплен цепочка и булавка.

Э-чи исполнил его просьбу и вытащил перо — перо фламинго.

— Береги его как зеницу ока, — продолжал Ренэ. — Если удастся тебе бежать, отнеси это перо в страну индейцев Алачуа и передай его кому-нибудь из соплеменников Микко, но хорошо будет, если ты отыщешь Хас-се и ему отдашь перо. Расскажи Микко о нас, пленниках, попроси его прийти нам на помощь.

Не успел он договорить, как где-то вблизи зашуршала трава, и Э-чи, вскочив, стал осыпать Ренэ ругательствами и угощать пинками. Мальчик застонал. В первую минуту он подумал, что молодой индеец втерся к нему в доверие только для того, чтобы его предать, но вскоре раздался голос Кат-ши.

Вождь семинолов спрашивал Э-чи, почему он бранит пленников. На это Э-чи ответил, что одному из пленных удалось ослабить путы, и если бы он, Э-чи, не подоспел вовремя, негодяй очутился бы на свободе.

Похвалив его за бдительность, Кат-ша, каждую ночь приходивший взглянуть на пленных, медленно вернулся в лагерь. Вслед за ним ушел и Э-чи, который на прощание успел шепнуть Ренэ, что просьбу его он постарается исполнить.

На следующий день, незадолго до полудня, каноэ причалили к берегу, и Ренэ приказано было выйти на сушу. Осмотревшись

— Я дам тебе двадцать воинов. С ними ты отыщешь гнездо семинолов. Если Та-ла-ло-ко еще жив, спаси его, а также двух других пленников, и приведи их сюда.

Выслушав старика, Я-чи-ла-не стал приводить приказ в исполнение. Через час двадцать воинов под предводительством Я-чи-ла-не готовы были тронуться в путь. Конечно, среди них находился и Хас-се.

Э-чи, проводник маленького отряда, выкупался в ручье, сытно поел и заявил, что не чувствует усталости.

Когда стемнело, воины разместились в каноэ и, налегая на весла, быстро поплыли вверх по узкой реке, к страшным болотам.

Э-чи сидел в первом каноэ, вместе с Хас-се и Я-чи-ла-не.

Подробно рассказывал он им о событиях последних дней и о своем побеге. Как удивились бысеминолы, если бы слышали этот рассказ!

Попав в деревню семинолов, Э-чи решил бежать в первую же ночь.

Зная, что караульный день и ночь охраняет тропинку, он придумал способ отвлечь его внимание хотя бы на несколько минут. Как только стемнело, начал приводить свой план в исполнение.

Заранее отыскал большой камень и спрятал его в кустах, неподалеку от того места, где начиналась тропа. Затем сорвал с головы перья — головной убор семинолов, — швырнул их на землю и, затянув унылую песню, бросил камень в темную воду. Тотчас же отполз он в сторону, а когда караульный подошел к зарослям, Э-чи благополучно добрался до тропинки.

Стрелой помчался он по тропинке. Ему повезло: ни разу он не споткнулся, ни разу не ступил на зыбкую почву. Тропинка привела его к лагуне, где были спрятаны каноэ семинолов. Завладев одной из них, он без отдыха плыл по направлению к стране Алачуа. Он запомнил указания, данные ему Ренэ, и не сбился с дороги.

Хас-се и Я-чи-ла-не внимательно выслушали рассказ и долго хвалили Э-чи за ловкость, благодаря которой удалось ему бежать. Э-чи, растянувшись на дне каноэ, крепко заснул и проснулся только на рассвете.

Между тем в деревне семинолов все приготовления были закончены, и празднество началось в тот самый день, когда Э-чи явился в лагерь Микко. В течение двух дней Ренэ Дево с ужасом прислушивался к звукам, проникавшим в хижину, где он лежал.

спускавшиеся к самому болоту, но никого не нашел. По темной воде пробегала рябь и несколько пузырей поднялось со дна.

На крик караульного прибежали жители деревушки; долго искали они того, кто, видимо, предпочел смерть неволе. Наконец, они нашли в кустах головной убор из перьев, какой носят воины-семинолы. Вспомнили, что убор этот принадлежал молодому индейцу из деревни Селой. Семинолы пожалели о том, что приняли его в свою среду, и вернулись в деревню. Караульный снова занял свой пост, и об исчезновении Э-чи никто больше не думал.

Несколько воинов, собравшись перед хижинкой, где лежал связанный Ренэ, со смехом обсуждали странный способ, какой избрал Э-чи, чтобы вернуться к своему народу. Ренэ слышал этот разговор, и сердце его мучительно сжалось: со смертью Э-чи угасла последняя его надежда на спасение.

На следующий день начались приготовления к празднеству. Празднество должно было продолжаться три дня.

С утра до ночи женщины и дети толпились вокруг хижины, где лежал Ренэ Дево. Всем хотелось на него поглазеть.

XVI. ПЕРО ФЛАМИНГО

Второй день томился Ренэ Дево в деревушке семинолов, окруженной непроходимыми болотами, а в это время в далекой стране Алачуа жизнь текла мирно и беззаботно. Был предвечерний час. Легкий ветерок проносился над саваннами, воздух был насыщен запахом цветов, лианы свешивались с ветвей деревьев, и громко пели птицы свои вечерние песни.

Среди высоких деревьев разбросаны были вигвамы из оленьих шкур и хижины, крытые пальмовыми листьями. Жили здесь те индейцы, которые признавали своим вождем старого Микко. Когда спала жара, все они высыпали из хижин подышать свежим воздухом. Вернулись охотники, нагруженные дичью, и, отдав свою добычу женщинам, растянулись на мягкой траве. Женщины сушили у костров, стряпая ужин, а перед вигвамами и на берегу ручья резвились дети. Подростки купались в реке, протекавшей недалеко от роши, а матери-индианки с тревогой прислушивались к веселым голосам. Боялись они услышать пронзительный крик, возвещающий появление Аллапатты, великого аллигатора.

В центре лагеря возвышался вигвам просторнее, чем все остальные. К верхушке его был прикреплен пучок орлиных перьев в знак того, что здесь живет вождь. У входа в этот вигвам сиде-

ли на разостланных шкурах старый вождь Микко, старшины его племени и Я-чи-ла-не, молодой вождь индейцев алачуа. Старики курили трубки с длинными мундштуками. За спиной Микко стоял спокойно и прямо Хас-се, друг Ренэ; в волосы его было вплетено алое перо, напоминавшее язычок пламени и резко выделявшееся на фоне темной ливны.

В разговор старших он вмешиваться не смел, но видно было по его оживленному лицу, что хочется ему принять участие в беседе.

Наконец, старый вождь повернулся к нему и с улыбкой спросил:

— Как ты думаешь, могут ли враждовать между собою белые люди и те, другие, тоже белые, которые сюда приплыли издалека?

Гордясь тем, что вождь привлекает его к беседе, Хас-се нерешительно ответил:

— Думаю я, что между ними может быть вражда. Отдельные наши племена часто сражаются друг с другом; должно быть, и племена белых ведут между собой войну.

Речь шла о гибели форта Каролина. В тот день явился в деревню Алачуа гонец, посланный одним из восточных индейских племен. Он рассказал о высадке испанцев под начальством Менендеса, о нападении их на деревушку Селой и о захвате форта. Менендес и его солдаты зверски убили адмирала Рибо и всех, кто спасся вместе с ним, когда погибли французские суда, застигнутые штормом. Несчастные, потерпев кораблекрушение и добравшись до суши, просили пощады у испанцев, но были зарублены мечами или заколоты кинжалами.

Узнав о том, как бледнолицые истребляют друг друга, восточные племена были до такой степени изумлены, что разослали гонцов ко всем дружественным племенам, чтобы сообщить им эту поразительную весть. Многие воины из племени Микко сомневались в достоверности слухов, и по этому случаю вождь созвал на совет всех своих старшин.

Долго беседовали они, покуривая трубки, а Хас-се, "носитель лука", внимательно прислушивался к разговору и думал о судьбе своего друга. Вдруг с реки, где купались подростки, донеслись громкие крики. Все повернулись в ту сторону, у всех мелькнула одна мысль: что если и в самом деле появился грозный Аллапатта и увлек на дно одного из купальщиков?

Но тревога тотчас же рассеялась: подростки гурьбой бежали к лагерю, а за ними быстро следовал молодой воин, которого не

знал в лицо никто из присутствующих. Мальчики остановились перед палаткой вождя; один из них выступил вперед и рассказал, что молодой индеец плыл один в каное вниз по течению реки и, увидев мальчиков, спросил, как попасть в страну Алачуа и где находится племя индейцев, которые признают своим вождем Микко.

Молодой воин казался усталым и измученным. По-видимому, он совершил утомительное путешествие. Молча стоял он перед старым вождем.

— Я — Микко, — сказал старик. — А кто ты такой и что тебе здесь нужно?

— Меня зовут Э-чи, — ответил незнакомец. — Живу я на берегу великих вод, в деревне Селой. Сюда я пришел, чтобы увидеть Хас-се, твоего сына.

— Ты нашел того, кого искал, — отозвался Микко.

Когда Хас-се, ничего не понимая, выступил вперед, воин показал ему алое перо фламинго.

— Смерть грозит тому, кто посылает тебе это перо. Он призывает тебя на помощь.

Взяв перо из рук посланца, Хас-се воскликнул:

— Меня зовет Та-ла-ло-ко. Где он? Какая опасность ему угрожает?

Тогда Э-чи рассказал о гибели деревушки Селой, о захвате испанцами французского форта, о том, как сам он вместе с Ренэ Дево и двумя другими французами попал в плен к семинолам. Рассказал он о своем побеге и о мучительной смерти, которая грозит оставшимся в плену.

Все слушали его, затаив дыхание. Когда он умолк, Хас-се повернулся к вождю и сказал:

— Отец, тот, кто прислал мне это перо, — друг мой и брат. Я поспешу к нему на помощь.

— Да! И ты спасешь его, если он еще жив! — воскликнул старик.

Затем он спросил Э-чи:

— Запомнил ли ты тропу, ведущую к логовищу волков? Хватит ли у тебя сил немедленно отправиться в путь и указать дорогу моим воинам?

— Раненый олень не забывает тропы, отмеченной его кровью, — последовал ответ. — Я устал, но ненависть к семинолам придаст мне силы.

— Хорошо сказано, — похвалил старый вождь.

Повернувшись к Я-чи-ла-не, своему зятю, он сказал:

Тотчас же вспомнил он о пленнике. Оставив воина валяться на тропе, он побежал назад, к хижине, твердо решив собственными глазами убедиться в том, что пленник цел и невредим. Немало времени прошло прежде, чем принесли ему факел.

Переступив порог, он сразу понял, что произошло. Хижина была пуста, на земляном полу валялись ремни, зияло отверстие, прорезанное в задней стене.

Кат-ша выбежал из хижины. У входа по-прежнему стоял караульный, который и не подозревал, что произошло. Разгневанный вождь ударил его кулаком по лицу, а затем поднял на ноги всю деревню.

Пока встревоженные семинолы обыскивали остров, надеясь найти где-нибудь в зарослях сбежавшего пленника, Кат-ша придумал план действий. Созвав лучших своих воинов, он повел маленький отряд по тропинке, соединяющей остров с лагуной. Думал он догнать пленника и тех, кто помог ему бежать, раньше, чем они доберутся до лагуны и завладеют каноэ.

В отряде находился Читта, который окончательно связал свою судьбу с семинолами, сжился с новыми своими товарищами и пользовался репутацией жестокого и мстительного человека.

Преследователи мчались во всю прыть, но, пожалуй, бежали бы они еще быстрее, если бы знали, что беглецы прошли тот же путь всего четверть часа назад. К тому же продвигались беглецы сравнительно медленно, так как им приходилось поддерживать, а иногда нести на руках того, кого они пытались спасти.

Сначала Ренэ был так возбужден, что не чувствовал боли в распухших лодыжках, но вскоре ноги отказались ему служить.

Слышал он ни на секунду не затихавший бой кас-а-лал-ки, индейского барабана, и трескотню трещоток — черепашьих щитов, наполненных сушеными ягодами; под аккомпанемент этих инструментов плясали индейцы.

В хижину Ренэ никто не заглядывал, кроме караульного, который приносил ему воду и пищу, но упорно отказывался отвечать на вопросы.

Однажды, когда Ренэ поужинал, явился караульный и, ослабив путы на ногах пленника, вывел его из хижины — в первый раз с тех пор, как Ренэ попал в деревню семинолов. Два рослых воина заставили его идти через всю деревню. Это торжественное шествие сопровождалось грохотом трещоток и барабанным боем.

Ренэ, несколько дней пролежавший со связанными ногами, шел твердым шагом, хотя распухшие его лодыжки мучительно болели.

Процессия приближалась к тропинке, которая вела от острова к лагуне. Музыка и крики привлекли внимание караульного, и так сильно захотелось ему поглазеть на Ренэ, что он покинул свой пост и отошел на несколько шагов в сторону от тропы.

Пока он стоял, повернувшись спиной к тропинке, три темные тени мелькнули у самой воды и скрылись в зарослях, окаймлявших остров. В сумерках никто их не заметил. Спрятались они в том самом месте, где несколько дней назад Э-чи оставил свой головной убор из перьев.

Процессия проследовала дальше, а караульный снова занял свой пост. Он не подозревал, что в зарослях притаились враги, которые не спускают с него глаз. Если бы в темноте удалось ему их разглядеть, он бы узнал одного из них — Э-чи, но другие двое — Я-чи-ла-не и Хас-се — были ему неизвестны.

Да, три друга явились на помощь Ренэ. Им посчастливилось проникнуть никем не замеченными и без кровопролития во владения семинолов. Ночь и день плыли они по реке, пока не увидели маленькой лагуны. Здесь Э-чи отыскал тропу, извивавшуюся среди болот, и повел по ней отряд. Никого не встретили они на своем пути, так как все семинолы присутствовали на празднестве. Не доходя до островка, Я-чи-ла-не остановил своих воинов и приказал им остаться здесь, между тем как сам он вместе с Хас-се и Э-чи попытается ближе подойти к деревне и обдумать план дальнейших действий.

Втроем подкрались они к тому месту, где стоял караульный, и шепотом стали совещаться, как пройти мимо него. Появившаяся

в это время процессия с Ренэ во главе побудила караульного покинуть пост, и они не замедлили этим воспользоваться. словно тени скользнули они за его спиной и спрятались в кустах.

Ждали они ночи, когда семинолы разойдутся по своим хижинам и заснут крепким сном. И снова помог им случай. Густые черные облака затянули небо, погасли звезды, и над деревней разразилась гроза. Под покровом темноты трое друзей покинули заросли и поползли по направлению к хижинам. Впереди полз Э-чи, отыскивавший хижину, в которой был заключен Ренэ.

Наконец, они увидели стоявшего у входа часового. Э-чи растянулся плашмя на мокрой земле и натянул тетиву лука. При первой же тревоге он должен был вонзить стрелу в сердце караульного, а затем освободить Ренэ и бежать вместе с ним.

Но сейчас все было спокойно. Оставив Э-чи на страже, Я-чи-ла-не и Хас-се стали прорезать ножами, полученными от Ренэ, отверстие в задней стене хижины, крыша и стены которой сделаны были из пальмовых листьев. К счастью, дождь лил потоками и заглушал шум, а намокшие листья не трещали под ножами.

Работа шла очень медленно, так как Хас-се и Я-чи-ла-не старались не шуметь, но отверстие в стене понемногу увеличивалось.

Вернувшись в хижину, Ренэ бросился на землю и попытался заснуть. Но сон бежал от его глаз. Долго метался он, ворочаясь с боку на бок и прислушиваясь к шуму дождя. Наконец, он заснул и спал крепко, без сновидений. Проснулся он внезапно и сел, не понимая, что его разбудило. Не оглушительный ли удар грома? Но за громадными раскатами спустилась тишина, и отчетливо прозвучал шепот:

— Та-ла-ло-ко.

Что это? Сон? Нет! снова слышалось:

— Та-ла-ло-ко.

Кто-то зовет его. И он прошептал в ответ:

— Я здесь...

Раздался легкий шорох. Ренэ затаил дыхание. И вдруг кто-то подполз к нему, перерезал ремни, связывавшие его руки и ноги, и чуть слышно шепнул:

— Это я, Хас-се...

Дрожа всем телом, Ренэ пополз вслед за своим другом в глубь хижины. В задней стене увидел он отверстие, прорезанное острыми ножами его друзей. Стараясь не шуметь, он пролез в дыру, но листья громко зашуршали. К счастью, раскаты грома заглушили шорох.

Храня глубокое молчание, все четверо побежали к тропинке, соединяющей островок с берегом лагуны.

Караульный, охранявший тропу, остолбенел от ужаса, когда увидел перед собой Э-чи, которого считал умершим. Неудивительно, что Э-чи внушил страх суеверному семинолу: при вспышке молнии можно было разглядеть, что весь он облеплен грязью, и вода стекает с него потоками, словно он только что вылез из болота.

Не успел испуганный воин вскрикнуть или поднять тревогу, как кто-то нанес ему сзади страшный удар, и он упал ничком на мокрую землю.

XVII. СМЕРТЬ ХАС-СЕ

В эту грозную ночь Кат-ша, вождь семинолов, не мог сомкнуть глаз. Долго ворочался он на своем ложе из звериных шкур, но раскаты грома не давали ему заснуть. В полночь решил он обойти все сторожевые посты и посмотреть на пленника. Выйдя из хижины, он плотнее завернулся в звериную шкуру; дождь хлестал ему в лицо, дул пронизывающий ветер.

Приблизившись к хижине пленника, Кат-ша увидел караульного. Воин неподвижно стоял у входа, концом одеяла прикрывая голову, чтобы защитить ее от потоков дождя. Кат-ша спросил его, спит ли пленник; караульный ответил, что не так давно он заглядывал в хижину и застал пленника крепко спящим; связан он был, как всегда, по рукам и ногам.

Дождь залил сторожевой костер, который пылал по ночам в центре деревушки. Раздобыть огня среди ночи было не так-то легко, а в темноте не имело смысла входить в хижину и осматривать узы пленника. Поэтому вождь семинолов удовлетворился ответом караульного. Да и в самом деле, стоило ли беспокоиться? Кат-ша не допускал возможности побега.

Спокойно прошел он дальше, направляясь к тому месту, где начиналась тропа. Караульного не было видно. Еще издали он его окликнул, но ответа не получил. Тогда, рассерженный и удивленный он ускорил шаги и вдруг споткнулся и едва не упал на распростертое у его ног тело. Это был караульный, который еще не пришел в себя после страшного удара, нанесенного всего несколько минут назад.

Вождь семинолов встревожился. Быть может, размышлял он, караульный убит молнией, либо внезапно заболел? Но очень возможно, что какой-то неведомый враг нанес ему удар. В таком случае враг пробрался на остров и скрывается где-то поблизости.

Когда закончены были погребальные обряды, старый вождь взял за руку Ренэ и сказал дрожащим голосом, но так, чтобы все его слышали:

— Одного сына я потерял, другого нашел. Хас-се ушел от меня, но Та-ла-ло-ко занял его место.

Так принят был Ренэ в среду индейцев. Никогда не расставался он с пером фламинго. Вскоре стал он метким стрелком и прекрасным охотником, а индейцы посвятили его в тайны лесной жизни. Ренэ в свою очередь делился с ними теми знаниями, какие привез из Старого Света.

Время от времени долетали слухи о зверствах испанцев и о жестоком обращении их с туземцами той страны, которой они завладели.

Слухи эти пугали индейцев, и племя, принявшее в свою среду Ренэ, решило не возвращаться в родные края, а навсегда остаться в стране Алачуа.

Прошло много месяцев с тех пор, как Ренэ поселился с индейцами племени алачуа. Однажды во главе небольшого отряда воинов отправился он на охоту. Охотились они на аллигаторов и забрели к великим болотам Окифеноки.

Как-то они расположились на привал и, сидя у костра, закурили свои каменные трубки, а один из старых охотников стал рассказывать древние предания племени. Вдруг все вздрогнули и вскопили: где-то вспыхнул огонь, и раздался оглушительный треск. Донесся он из маленькой рощи, находившейся неподалеку.

"Разорвалось огнестрельное оружие", — подумал Ренэ.

Затем послышались вопли и стоны. Ренэ с трудом убедил своих товарищей пойти посмотреть, что случилось. Все они были охвачены суеверным страхом и долго не решались отойти от костра.

В роще они нашли молодого индейца, который с воем катался по земле. Подле него валялись обломки испанского аркебуза или мушкета. По-видимому, он целился в одного из охотников, расположившихся у костра, но, быть может, ружье было заржавлено или он насыпал слишком много пороха; как бы то ни было, но оно разорвалось у него в руках, когда он спустил курок.

Осмотрев раненого, индейцы убедились, что глаза его выжжены порохом.

Несчастливого перенесли к костру. Хотя лицо его было обезображено, но Ренэ сразу его узнал. С ужасом всматривался он в знакомые черты.

Когда Ренэ объяснил своим друзьям, что этот человек хотел убить их из-за угла, они возмутились и протянули руки к лу-

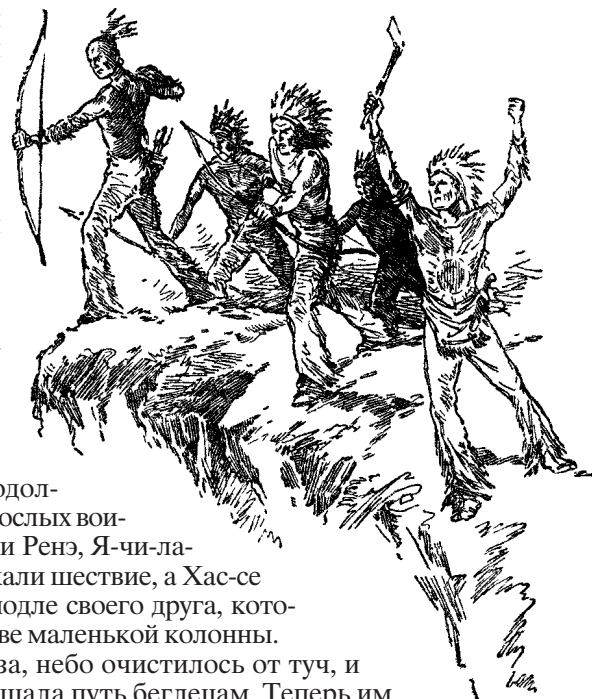
Когда он и три его спасителя добежали до того места, где ждали их остальные воины, мальчик со стоном опустился на землю и заявил, что дальше идти не может.

Некогда было обмениваться впечатлениями, и Я-чи-ла-не приказал, не мешкая, продолжать путь. Два рослых воина поддерживали Ренэ, Я-чи-ла-не и Э-чи замыкали шествие, а Хас-се старался быть подле своего друга, которого вели во главе маленькой колонны.

Прошла гроза, небо очистилось от туч, и яркая луна освещала путь беглецам. Теперь им легче было пробираться по узкой тропинке, но Я-чи-ла-не не забывал, что та же луна светит и преследователям. Часто он оглядывался и торопил своих воинов.

Дойдя до конца тропы, они увидели маленькую лагуну, где были спрятаны их каноэ. Здесь все вздохнули свободнее: опасность, по-видимому, миновала, и можно было торжествовать победу. Однако Я-чи-ла-не не позволил своим спутникам отдохнуть. Осторожно усадили они Ренэ в первое каноэ; с ним сели два самых сильных и выносливых воина. Затем разместились в каноэ и все остальные. На берегу остались только Я-чи-ла-не, Хас-се и Э-чи. Последний указал место, где были спрятаны каноэ семинолов, и втроем они начали прорубать в них дно, чтобы сделать не пригодными для плавания. Некоторые каноэ были спущены на воду, их они оттолкнули подальше от берега, перерезав предварительно причалы.

Работа приближалась к концу. Я-чи-ла-не, Хас-се и Э-чи пробивали дно в последнем каноэ, как вдруг неподалеку раздались злобные крики. Враги подходили. Нужно было бежать.

При лунном свете семинолы увидели сверкающие весла каноэ, выплывавшие из лагуны, но не сразу заметили троих людей, которые замешкались на берегу, приводя в негодное состояние их лодки. Когда эти трое вскочили в единственное неповрежденное каноэ и оттолкнулись от берега, семинолы завопили от радости и бросились к своим каноэ. Они надеялись догнать и захватить в плен трех беглецов, оставших от своих спутников.

Когда они убедились, что каноэ их продырявлены и не могут держаться на воде, они схватились за луки и стали стрелять в оставших. Много стрел упало в воду, несколько ударились о борт лодки, не причинив вреда тем, кто в ней сидел, и только одна попала в цель.

Громко вскрикнув, Хас-се выпустил из рук весло и опустил на дно каноэ.

Спутники его не смели остановить каноэ и броситься на помощь раненому. Гребли они, пока не догнали своего отряда, находившегося за пределами выстрелов.

Прошло несколько часов.

Солнце ярко освещало зеленый мыс, врезавшийся в реку. На траве, в тени векового дуба, лежал умирающий Хас-се. Подле него, держа его за руку, сидел Ренэ Дево и воспаленными глазами смотрел на своего друга. Горе его было так велико, что плакать он не мог.

— О, Хас-се, Хас-се! — говорил он. — Ради меня ты пожертвовал жизнью, я один виновен в том, что случилось!

— Не горюй, Та-ла-ло-ко! Смелый воин не боится смерти и всегда готов ее встретить.

— Но у тебя вся жизнь была впереди. А как будут горевать все те, кого ты любишь!

— Да, жалко мне тех, кто будет меня оплакивать. И о них я хочу говорить с тобой, пока силы меня не оставили. Та-ла-ло-ко, исполнишь ли ты мою просьбу?

Сжав руку друга, он заговорил чуть слышно, так как слабел с каждой минутой:

— Та-ла-ло-ко, твои соплеменники погибли, а мое племя теряет сына. Займи мое место. Будь сыном моему отцу, будь братом сестре моей Нэтле!

Он умолк и с трудом перевел дыхание

— С радостью исполню я твою просьбу и постараюсь заменить сына и брата тем, кто тебе так дорог, — не задумываясь, ответил Ренэ.

Хас-се пытался еще что-то сказать, но голос его оборвался, кровь хлынула из раны, и воины, окружавшие умирающего, думали, что настал конец. Но снова Хас-се открыл глаза и слабым голосом спросил:

— Будешь ли ты носить перо фламинго?

— Да, да, Хас-се! — воскликнул Ренэ.

Умер Хас-се, когда солнце скрылось за горами и заревом заката окрасилось небо. Воины осторожно подняли умершего положили его на дно каноэ и продолжали путь в страну Алачуа.

Хас-се так и не узнал, кто нанес ему смертельную рану. Но когда воины осмотрели стрелу, увидели они на древке грубо вырезанное изображение змеи. Это была метка Читты. Так отомстил он своему сопернику, который много месяцев назад победил его на состязании.

Печально было возвращение Я-чи-ла-не и его отряда в деревню Алачуа.

В глубоком молчании воины вышли из каноэ, бережно подняли тело Хас-се и внесли его в хижину Микко.

Похоронили они его, по обычаю своего племени, в могиле из толстых древесных стволов, сложенных так, что дикие звери не могли ее разрушить. Подле него положили оружие и самые ценные его вещи.

каное уже неслись вниз по течению другой реки, катившей свои воды на восток, к побережью океана.

Наконец, открылись широкие воды пролива, и Ренэ невольно вскрикнул от изумления. Думал он, что ему придется плыть к реке Май, и лишь там найдет он своих соотечественников, но случилось иначе: на расстоянии мили от берега стояли на якоре три больших корабля, а на верхушках их мачт развевались французские флаги.

Ренэ был так взволнован, что долго не мог говорить. Наконец, овладев собой, приказал он воинам вести каное к подножию холма среди болот, где отдыхал он вместе с Хас-се после побега из форта Каролина. Там, на этом холме, они должны были сделать привал и ждать его возвращения.

Приблизившись к кораблям, Ренэ заметил, что на палубах столпились люди и с любопытством его рассматривают. Затем кто-то грубым голосом приказал ему остановиться и объяснить, кто он такой и зачем сюда явился.

Гребцы дали задний ход, а Ренэ встал и, выпрямившись во весь рост, заговорил по-французски, к великому удивлению тех, к кому он обращался.

— Кто здесь командир? — спросил он. — И на каком корабле он находится?

Толпа на шканцах ближайшего судна расступилась, и вперед выступил человек в коротком бархатном плаще, из-под которого виднелась рукоятка меча. Голову его покрывала шляпа, украшенная пером.

— Я адмирал Доминик де Гурж, — сказал он. — А ты кто такой? Одет ты, как дикарь, а на нашем языке говоришь, словно это твой родной язык.

— Здесь зовут меня Та-ла-ло-ко, — ответил Ренэ, не считая нужным объявлять во всеуслышание настоящее свое имя. — Если вы согласны меня выслушать, я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

В ответ на это де Гурж тотчас же пригласил его на борт своего корабля. Когда Ренэ поднялся на шканцы, французы рассматривали его с нескрываемым любопытством. Лицо юноши, обоженное солнцем, было едва ли светлее, чем лица его спутников-индейцев; следуя обычаям племени алачуа, он положил на щеки и лоб несколько мазков краски. Костюм, сделанный из прекрасно выдубленной кожи, был украшен вышивкой и бахромой и облегал его тело, как перчатка.

Ренэ пересек шканцы и спустился в каюту адмирала. Был он

кам, чтобы немедленно застрелить негодя. Но Ренэ их остановил.

— Я его знаю, — сказал он. — Это изменник, недостойный смерти воина. Оставим его жить. Он потерял зрение; пусть слепота будет ему вечным наказанием. Положим его на тропе, которая ведет к болотам. Должно быть, есть у него спутники, они придут и позаботятся о нем.

Воины повиновались и положили раненого на тропе, а на следующее утро он исчез. Неподалеку от того места, где он лежал, появились на влажной земле отпечатки ног, обутых в мокасины: раненого нашли друзья и увели с собой.

Когда спросили Ренэ, кто был этот человек, он ответил:

— Читта... Семинол.

XVIII. ФЛОТИЛИЯ ДЕ ГУРЖА

Три года прошло с тех пор, как испанцы утвердили свою власть в этой части Нового Света.

Тяжело жилось индейским племенам, подпавшим под власть испанцев, которые жестоко притесняли туземцев. Но для жителей далекой страны Алачуа, принявших в свою среду Ренэ Дево, эти три года протекли счастливо и мирно. Маленький поселок, основанный вождем Микко на берегу ручья, разросся в большую деревню, со всех сторон окруженную полями маиса и желтых тыков. В лесах по-прежнему водилось много дичи, и охотники-индейцы никогда не возвращались домой с пустыми руками.

Казалось бы, в этой прекрасной стране никто не может быть несчастным, и, однако, Ренэ не находил себе покоя, хотя жил среди друзей и занят был с утра до ночи.

Тосковал он потому, что хотелось ему снова увидеть родную свою страну — далекую Францию. Знал он, что мечта его никогда не осуществится, но забыть о ней не мог. Индейцы посматривали с тревогой на своего вождя, думая, что в него вселился злой дух. Старые знахари племени варили волшебные зелья, произносили заклятья и пытались с помощью талисманов изгнать злого духа, но труды их ни к чему не привели. Та-ла-ло-ко по-прежнему был печален.

Когда несколько месяцев назад умер старый Микко, весь народ оплакивал его. После его смерти вождем был избран Я-чила-не, Орел, но молодой индеец заявил, что отказывается от этого поста и уступает его Та-ла-ло-ко.

— Если бы жив был Хас-се, он стал бы теперь нашим вождем, — сказал Я-чи-ла-не. — Та-ла-ло-ко заменил нам Хас-се; его мы должны избрать.

И, к великому своему изумлению, Ренэ был избран вождем алачуа. Был он еще очень молод и боялся, что не справится с новыми обязанностями, но Я-чи-ла-не оказался незаменимым помощником и во всех делах давал ему советы.

Ренэ сжился с индейцами, разделяя все их интересы, к их заботам относился как к своим собственным, но к концу третьего года его охватила жестокая тоска по родине.

Как-то пришел с востока гонец, присланный дружественным племенем. Его привели в хижину вождя.

— Кто прислал тебя? — спросил Ренэ.

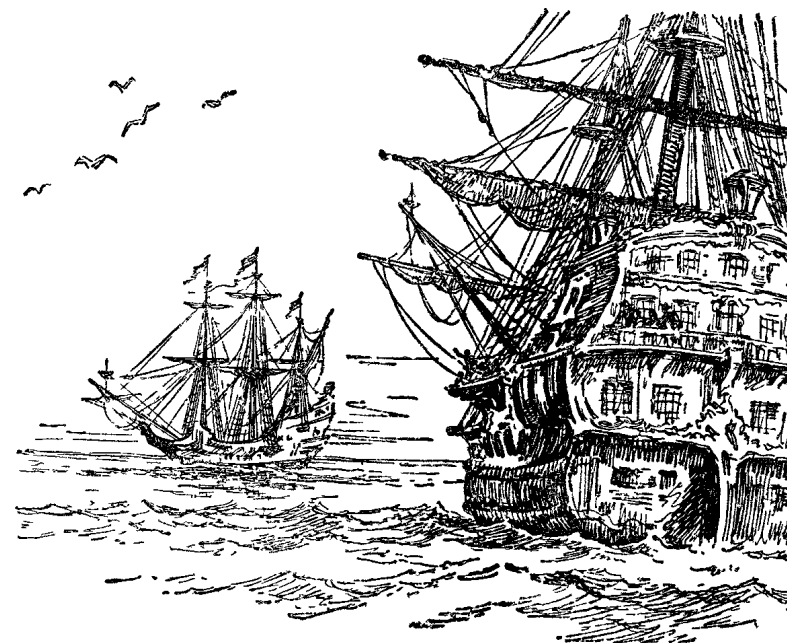
Гонец ответил не сразу:

— Я принес весть, что вернулись французы. В день новолуния три больших каноэ, украшенные флагом с лилиями, показались у побережья. Наше племя думает, что скоро будет бой между вновь прибывшими и живущими здесь белыми людьми, которые завладели нашей страной.

Весть о войне между белыми взбудоражила всю деревню. Воины стали натягивать новые тетивы на свои луки и приделывать к копьям острые наконечники из кремня. Между тем стар-

шины племени, а с ними и Я-чи-ла-не собрались в хижине Та-ла-ло-ко. Когда все закурили свои каменные трубки, Ренэ выступил вперед и произнес такую речь:

— Старшины племени алачуа! Много месяцев прошло с тех пор, как вы усыновили Та-ла-ло-ко. И все это время он разделял ваши заботы, жил вашими радостями и горестями. Теперь он должен расстаться с вами. Из-за далеких вод снова приехали сюда его соплеменники. Та-ла-ло-ко рад их увидеть. Но грустно ему покидать страну Алачуа. Неужели он никогда больше ее не увидит?

Быстро скользили по воде каноэ. Гребцы часто сменялись. Ренэ всматривался в знакомые берега и узнавал те места, с которыми у него связано было столько воспоминаний. Промелькнул зеленый мыс, где умер Хас-се, а дальше начинались великие болота, и показалась маленькая роща, где Читта по собственной вине лишился зрения. Вскоре каноэ проплыли мимо лагуны, откуда тянулась тропа, извивавшаяся среди болот и ведущая к разрушенному гнезду семинолов. Еще несколько поворотов — и

очень взволнован, но старался скрыть свои чувства. Де Гурж вежливо предложил ему сесть. Подойдя к адмиралу, Ренэ дрожащим голосом спросил:

— Скажите, сударь, не знаете ли вы, какая судьба постигла одного французского шевалье, Ренэ Лодоньера? Жив ли он?

— Как же, знаю! Тот, о ком ты говоришь, жив, и мы с ним знакомы. Но почему ты так взволнован? Какое он имеет к тебе отношение?

Узнав, что Лодоньер, к которому он был искренно привязан, ускользнул от гибели, Ренэ опустил на стул и закрыл лицо руками. Через секунду он овладел собой и подняв голову, ответил:

— Он заменил мне отца. Я Ренэ Дево; мой отец был близким другом Лодоньера.

Услышав это имя, де Гурж вскочил и, всматриваясь в лицо своего гостя, воскликнул:

— Как! Ты — Ренэ? Тот самый Ренэ, о котором так часто вспоминал Лодоньер? Он был уверен, что ты убит испанцами, и по сей день тебя оплакивает.

Затем де Гурж вкратце рассказал юноше о цели и результатах своей экспедиции.

Сам де Гурж побывал в плену испанцев. Сначала томился он в темнице, а затем был галерным рабом. Бежав из плена, он вернулся во Францию и встретил своего старого друга Лодоньера, от которого узнал об истреблении гугенотов Менендесом и солдатами из Сан-Августина.

За десять дней до встречи с Ренэ он прибыл к устью реки, на берегу которой высился недавно основанный форт Сан-Августин. Испанцы приняли его суда за испанские и салютовали из пушек.

Де Гурж не атаковал форта, считая эту попытку рискованной. Он повел корабли на север, к реке Май, которую испанцы переименовали в Рио де Сан-Матео.

Здесь, на обоих берегах устья, нашел он два маленьких форта, построенных Менендесом вскоре после захвата форта Каролина.

Не приходилось думать о том, чтобы провести суда через мелководье, — они были слишком большого тоннажа. Тогда де Гурж организовал переправу через мелководье в шлюпках.

Высадившись на берег, де Гурж атаковал форт Сан-Матео, как назывался теперь форт Каролина.

Благодаря ряду промахов, допущенных комендантом-испан-

цем, французы сравнительно легко завладели фортом и сравняли стены его с землей.

Считая свою миссию исполненной, де Гурж повел корабли на север и в гавани, где нашел его Ренэ, стал готовиться к обратному путешествию.

— На этом я могу закончить свой рассказ, — заключил де Гурж. — Добавлю только, что здесь, в Новом Свете не нашел ни одного соотечественника, кроме тебя.

Ренэ, в свою очередь, рассказал о том, что случилось с ним после падения форта Каролина. Упомянул он о семиналах, о своем удачном бегстве и о счастливых днях, проведенных с индейцами племени Алачуа. Де Гурж слушал его, затаив дыхание.

¹ Один из дворянских титулов старой Франции.

² Гугеноты - французские протестанты-кальвинисты - враги католической церкви, которая беспощадно их преследовала.

³ Тропические растения, имеющие съедобные клубни.

СОДЕРЖАНИЕ

I. РЕНЭ ДЕВО	3
II. НОСИТЕЛЬ ЛУКА	8
III. МЕСТЬ ЧИТТЫ	14
IV. ХАС-СЕ — ПЛЕННИК	17
V. БЕГСТВО ХАС-СЕ И РЕНЭ	21
VI. В СТРАНУ АЛАЧУА	25
VII. ЧИТТА И КАТ-ША	28
VIII. ПО СЛЕДАМ	31
IX. ПЛЕМЯ МИККО	34
X. МЯТЕЖ В ФОРТЕ КАРОЛИНА	38
XI. ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕНЭ	43
XII. ФРАНЦУЗЫ ПОКИДАЮТ ФОРТ	47
XIII. ПРИБЫТИЕ ЖАНА РИБО	53
XIV. БЕЛЫЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ	59
XV. РЕНЭ У ВРАГОВ	64
XVI. ПЕРО ФЛАМИНГО	69
XVII. СМЕРТЬ ХАС-СЕ	75
XVIII. ФЛОТИЛИЯ ДЕ ГУРЖА	81